

УДК 070

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019476>

**ФЕЙКИ И НОВОСТНАЯ ТАКТИКА ПРЕССЫ:
ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.
ЧАСТЬ I**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Исследуются особенности европейской новостной тактики, обусловившие массовое тиражирование англо-французской прессой в октябре 1854 г. (т. е. в самом начале боевых действий в Крыму) ложной информации о взятии Севастополя. Современники называли этот случай тотального распространения дезинформации «мистификацией, не имеющей равных себе в истории», или «уткой по-татарски». Причинами информационного скандала послужила, с одной стороны, неспособность английской и французской прессы адаптировать свои принципы к требованиям масштабного военного конфликта, а с другой – неоправданно высокое доверие к революционному на тот момент средству связи – электрическому телеграфу. Отдав приоритет оперативности информации – с ущербом для достоверности, европейская пресса оказалась жертвой биржевых спекулянтов, что произвело значительный и продолжительный негативный эффект в общественных настроениях Франции и Британии.

Ключевые слова: фейк, газетная утка, телеграф, Крымская война, официальная пресса, Севастополь.

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена «информационному эпизоду» эпохи Крымской войны, который существенно скомпрометировал новостную тактику европейской прессы.

В первых числах октября 1854 г., то есть в самом начале боевых действий в Крыму, газеты Европы растиражировали ложное сообщение, согласно которому Севастополь со всем его гарнизоном и арсеналом был захвачен англо-французскими войсками сразу же после их десантирования на полуострове. Ложная информация появлялась в газетах и прежде, но этот случай стал шокирующим. Во-первых, доверие ко лжи оказалось тотальным, и даже император Наполеон III поддался ее влиянию. Во-вторых, бравурная новость породила в Англии и Франции массовую эйфорию, которая после разоблачения сменилась столь же массовым разочарованием и укоренила в общественном сознании комплекс завышенных ожиданий, сохранявшийся до конца военной кампании. В-третьих, публикация фальшивки нанесла столь ощутимый удар по авторитету прессы, что принудила редакции к пересмотру новостной политики. Всё сказанное и ряд явных параллелей с современной практикой освещения военных действий, мотивируют подробно разобраться в механизме грандиозного информационного скандала времен первой обороны Севастополя.

Цель статьи – сосредоточив основное внимание на деятельности французской официальной газеты «*Moniteur universel*», проанализировать, как ложное известие о взятии Севастополя в 1854 г. сказалось на освещении актуальных военных действий.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Крымская война и научный интерес

Хотя «севастопольский фейк» 1854 года явился настоящей «информационной бомбой» и имел далекоидущие последствия, он редко попадал в поле зрения исследователей. В «Крымской войне» академика Е. В. Тарле этот эпизод лишь мельком упоминается как «фантастические, тотчас же опровергаемые слухи о падении крепости», повлекшие за собой разочарование [51, с. 165]. Историки Н. Н. Болховитинов и Б. П. Полевой говорят об этом более подробно, анализируя реакцию на севастопольские события американской прессы той поры [10, 39–40]. Нам известно лишь одно исследование, посвященное собственно скандалу вокруг ложного захвата Севастополя. Это статья Лизы Болз (исследовательницы Сорбонского университета, изучающей интеграцию телеграфа в деятельность печати XIX ст.) «Сообщение и пересказ новостей. Круговорот ложной информации в 1854 г.» [67], опубликованная в журнале Французской национальной школы библиотечного и информационного дела в 2024 г. К этой весьма добротной работе мы не раз обратимся, но некоторые выводы там лишь намечены: скажем, об уроках, которые извлекла для себя французская пресса из этого случая, и последствиях, какими он обернулся для общественных настроений.

В целом вызывает удивление, что столь показательный и, прямо скажем, колоритный «сюжет» из истории средств массовой информации долго оказывался на периферии внимания. Думается, причина в общем отношении к событиям Крымской войны, что необходимо пояснить.

Мало за какой военной кампанией в общественном сознании закрепилось такое количество «собственных» определений: «первая индустриальная», «первая общеевропейская», «первая обще-западная против России», «первая гибридная» и, наконец, «первая медийная», или «первая информационная». Между тем за этими словесными формулами, как правило, скрывается весьма ограниченный объем фактологических знаний [40, с. 28]. Причем расширение этих знаний не воспринимается целесообразным, поскольку в том же общественном сознании вопрос с Крымской войной давно закрыт, так как с ее причинами и результатами давно все ясно.

Иллюзия предопределенности

Такая установка отчасти программировалась еще советскими учебниками истории. Не будем трогать причины войны. Клубок противоречий, приведших к конфликту, столь запутан, что разъяснить его основательно, опираясь на фон школьных знаний, пожалуй, невозможно. Но вот как представлялись военные итоги: «Основной причиной поражения России <...> была экономическая и, как следствие, военно-техническая отсталость». Далее шло перечисление: «русская пехота была вооружена кремневыми ружьями, <...> стрелявшими лишь на 300 шагов», а «нарезное оружие союзников превосходило их по дальности, скорости и меткости стрельбы»; «более слабой оказалась и русская артиллерия»; отсутствие «железных дорог» и почти полное отсутствие «парового военного флота» [55, с. 85–86]. В качестве первопричины технического отставания указывалось использование малоэффективного крепостного труда. Иначе говоря, суть военного результата в том, что феодальная система проиграла капиталистической, а следовательно, Крымская война лишняя раз подтвердила верность закона диалектики. Какой смысл углубляться в перипетии войны, результат которой был предопределен изначально?

Современный учебник истории, изданный тем же издательством «Просвещение» и рекомендованный к использованию в образовательном процессе, скорректировал пояснение первопричин. От обличения крепостного права отказались, ограничившись довольно размытой формулировкой: «Крымская война <...> показала не только серьезное отставание российской армии от европейских, но и свидетельствовала о том, что необходимы перемены во всех сторонах российской жизни» [7, с. 96.]. Как видим, взгляд на причины поражения значительно упрощен, и основная ответственность возложена на «отсталую» армию. Список позиций отставания тоже сокращен (здесь ни железных дорог, ни проблем с артиллерией): «Русская пехота была, как и сто лет назад, вооружена *кремневыми гладкоствольными винтовками*, стрелявшими на расстояние 300 шагов и не всегда попадавшими в цель. А вот войска Англии и Франции располагали более современными *нарезными ружьями*, способными стрелять на расстояние около 1200 шагов. Русский флот был парусным (за исключением нескольких паровых фрегатов), англо-французская эскадра состояла только из паровых судов, в количественном отношении у нее также было преимущество» [7, с. 94].

Закрыв глаза на абсурдный термин «гладкоствольные винтовки» («винтовка» – общее название именно для нарезных ружей), можно констатировать, что всё сведено к вопросу чисто технологическому. Объяснение «облегчено» до примитивизма, но эффект тот же. Получается, что Крымская война лишней раз доказала, что новые технологии отменяют старые. И какой же смысл углубляться в перипетии войны, результат которой был предопределен изначально?

Между тем такое «облегчение» достигнуто путем обобщений, граничащих с «подтягиванием фактов» под нужный результат. Так, известно, что у русской армии было нарезное оружие, хотя и в ограниченном количестве [1, с. 58; 45, с. 1156], а значительная часть линейной пехоты противника имела гладкоствольное оружие [2, с. 9]. Об этом еще скажем. Показательнее другие цифры – по поводу стопроцентного оснащения неприятельского флота пароходами. Известный историк Крымской войны Н. Ф. Дубровин указывает, что в объединенной эскадре противника было 89 военных судов, из которых только 54 паровых, а остальные – парусные [16, с. 182]. По подсчетам Е. В. Тарле, пароходов было и того меньше: 50 из 89 судов [51, с. 131]. В распоряжении русского флота было 11 пароходов [51, с. 131].

Война как учебник

При таких уточненных показателях морское сражение все равно не выиграть, но вопрос в другом: становится очевидным, что преимущество неприятеля не было тотальным. Флот англичан и французов еще не перешел на использование пароходов, а был на переходной стадии, как и флот России. То же касается и стрелкового оружия: дальнобойные пули системы Минье английские солдаты осваивали в последний момент – уже по дороге в Крым [59, с. 139]. Во всех областях военной техники между державами длилось состязание, и Крымская война была не итогом этого состязания, а его наиболее динамичной фазой – то есть как раз той фазой, которая и должна прежде всего вызывать общественный и научный интерес.

Эта война тем и значима, что ее результат не был предопределен и расстановка сил неоднократно балансировала на грани. Каждый из противников обладал своими преимуществами и недостатками, искал и часто находил способы компенсировать преобладание неприятеля в какой-либо сфере арсеналом собственных выигрышных средств. Это вело к нетривиальным решениям, а зачастую к фатальным ошибкам. Знания

о таких решениях и ошибках имеют гораздо большую ценность, нежели констатации прописных истин о смене социальных формаций и мощи технического прогресса.

Особую ценность эти знания обретают в настоящий момент. Историк С. В. Ченнык, назвав Крымскую войну «пограничной», очень точно определил ее переломный характер: «Крымская война стала пиком войн, сохранявших инерцию наполеоновской эпохи, одновременно набирая скорость войн следующего столетия» [59, с. 37]. Действительно, кампания начиналась сражением парусников под Синопом, а продолжилась минными заграждениями и противоборством флотов с батарейной артиллерией; начиналась со штыкового боя, но трансформировалась в соперничество стрелков. Происходил столь же стремительный переход от старого к новому, что мы наблюдаем сегодня на полях СВО. Специальная военная операция начиналась (почти как в Великую Отечественную) маршами танковых колонн, а продолжилась противоборством беспилотников; начиналась лобовыми атаками, а продолжилась «просачиванием» малых групп и борьбой дронов. Как и в Крымскую войну, идет интенсивное состязание технологий и военных решений; для всякого примененного противником новшества ищется компенсация; каждый болезненный удар заставляет искать нестандартную тактику. В таких условиях уроки Крымской войны трудно переоценить.

Телеграф – Интернет

Сказанное прямо соотносится с военной журналистикой. На первых этапах СВО возникало ощущение, что обновившиеся телекоммуникационные средства позволяют аудитории следить за боевыми действиями в режиме реального времени и с охватом малейших подробностей. Это выглядело как небывалый прорыв в направлении как доступности, так и достоверности информации. Но скоро выяснились негативные стороны: поток фронтовых видеороликов представлял подробности бессистемно и не позволял корректно оценивать общую обстановку; в этом потоке были неразличимы «вброшенные» фальшивки; достоверные материалы превращались в разведанные для противника. Военным и СМИ пришлось в ходе боевых действий искать оптимальные формы применения информационной чудо-техники, вырабатывая правила, нормы, ограничения. И этот процесс, думается, еще не завершен.

Во время Крымской войны роль подобной чудо-техники сыграл электрический телеграф. В связи с этим, конечно, вспоминается, что телеграф позволял правительствам неприятеля получать информацию из лагеря под Севастополем в течение пяти часов. Это правда, но следует учитывать, что телеграфный кабель был дотянут до Крыма лишь в конце апреля 1855 г. [17, с. 29], то есть через 7 месяцев после высадки союзников в Крыму; а до этого времени информация из Крыма доходила до Лондона и Парижа дольше, чем до Санкт-Петербурга.

В 1998 г., на заре распространения Интернета, британский исследователь Том Стендейдж опубликовал книгу об истории телеграфной связи, назвав свое сочинение «Викторианский Интернет» [114], где убедительно продемонстрировал, что использованная в заглавии метафора вполне уместна: электрический телеграф открыл невероятные возможности связи, но овладение этими возможностями потребовало от общества и прессы пройти настоящую школу обращения с оперативно передаваемой информацией. Интересующий нас скандал с фейковым взятием Севастополя в 1854 г. был одним из первых уроков этой школы, и, учитывая, что мы сейчас находимся на новом витке ускорения информации, урок, для нас небесполезный, как и вся «старая школа» овладения «быстрыми» новостями.

Информационная война как война

Со времен Наполеона I прессу привыкли воспринимать как вспомогательную сферу военных действий: она поддерживала воинственное настроение *своей* аудитории и подрывала моральный дух противника. К началу Крымской кампании европейская пресса значительно расширила влияние, а в Англии, благодаря отсутствию цензуры, превратилась чуть ли не в самостоятельную ветвь власти. К этому прибавились более совершенные средства печати, распространения тиража и сбора информации. С самого начала Крымской войны пресса начала оказывать влияние уже на сами военные действия. Г. В. Прутцков, скажем, указывает на использование газетных новостей в целях дезинформации [46, с. 47]. Прибавим, что пресса смогла превратить «инцидент в Ханко» летом 1855 г. в рычаг международного давления на воюющую Россию [48]. Но главное, что пресса, настраивая определенным образом общественное мнение, теперь могла влиять на военный быт и даже «подстегивать» темп боевых действий, провоцировать военные операции, не оправданные тактическими выгодами. По своим функциям массовая печать превращалась в механизм военной машины, даже если и не подчинялась военному руководству.

Это актуализирует необходимость изучения прессы военных периодов в соотношении с военной историей. Речь не только о том, что факты военной журналистики должны рассматриваться в контексте военных событий, но и о заимствовании некоторых исследовательских принципов: военная история в значительной степени характеризуется нацеленностью на прикладной результат; анализ прежних боевых действий должен подсказывать решения, востребованные в будущих конфликтах.

За иллюстрацией вернемся к теме нехватки нарезного оружия в российских войсках. Для общества эта проблема не была секретом. Многие стремились помочь осажденному Севастополю, и вот два эпизода, которые могут в равной мере заинтересовать историка журналистики и военного историка.

В период Крымской войны известный публицист и философ-славянофил А. С. Хомяков занялся созданием дальнобойного ружья, необходимого защитникам Севастополя. Ему удалось сделать опытный экземпляр, пуля из которого, по словам самого изобретателя, «на версту» пробивала «навывлет четырехвершковую доску» [20, с. 414]. В 1855 г. в Петербурге Хомяков обратился в артиллерийский департамент, где сначала планировали испытать ружье, но потом дело попросту заглохло.

Еще один факт. В начале января 1855 г., находясь на тыловых позициях в селении Эски-Орда под Симферополем, подпоручик Л. Н. Толстой написал «Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками» [52, с. 17–21]. Суть в том, что наличие у противника нарезных ружей сделало полевую артиллерию уязвимой для стрелков. Потому Толстой предлагал уменьшить в легких батареях количество орудий, а оставшимся обеспечить стрелковое прикрытие, вооружив высвободившихся солдат-артиллеристов штуцерами. Толстой сумел представить свой проект военному руководству в Севастополе. Начальник гарнизона Д. Е. Остен-Сакен вроде бы идею оценил, но генерал-адъютант А. И. Философов, а также командир артиллерии Крымской армии генерал-майор Л. С. Кишинский предложение отвергли, причем А. И. Философов сделал это с явным раздражением [52, с. 356–357].

Традиционная логика филологического исследования подсказывает вывод о косности и «реакционности» [52, с. 356] военной администрации. Между тем военный историк прежде, чем сделать выводы, начнет задаваться конкретными вопросами. Если

говорить о новой модели ружья, то сколько заводских мощностей нужно задействовать, чтобы произвести опытную партию, учитывая, что оружейные заводы перегружены производством нарезных ружей уже принятых моделей? Если опытные образцы себя оправдают, то сколько времени потребует отработка технологии массового производства? Какой получится стоимость ружья, предлагаемого Хомяковым? Будет ли пуля для этого ружья совместима с ружьями других моделей?

Если говорить о ситуации с «Проектом...» Л. Н. Толстого, то, даже опуская то обстоятельство, что в любых армиях мира опытные боевые генералы (а именно такими были А. И. Философов и Л. С. Кишинский) редко прислушиваются к мнениям подпоручиков, возникает ряд практических вопросов. Где взять нарезные ружья (при их общем дефиците) для вооружения высвободившихся артиллеристов? Допустимо ли коренным образом реформировать действующие подразделения в разгар боевых действий? Как долго будет «выписываться» и утверждаться порядок действий для обновленных подразделений и сколько времени займет обучение и боевое слаживание?

Эти вопросы не умаляют достоинств изобретенного А. С. Хомяковым ружья или составленного Л. Н. Толстым «Проекта...»¹, но они позволяют понять, что для реализации даже самой удачной идеи существует целый ряд объективных препятствий, помимо инертности администраторов.

Можем ли мы оценить эти обстоятельства? В значительной степени можем и именно благодаря исследованиям военных историков. В начале XX в. выдающийся оружейник В. Г. Федоров изучил проблемы снабжения армии нарезным оружием в период Крымской войны. По архивным документам выяснил точное количество нарезных ружей, бывших в распоряжении войск. Если кратко, то в начале кампании полностью были вооружены нарезными ружьями только стрелковые батальоны, в остальной пехоте приходилось по 26 нарезных ружей на батальон [56, с. 5], к концу кампании – по 26 ружей на роту [56, с. 12]. То есть прогресс был, но недостаточный. Вывод можно было бы считать удовлетворительным итогом архивных поисков. Но для В. Г. Федорова это не итог, а отправная точка для исследования, поскольку в практической сфере важен «пошаговый» анализ событий и факторов, обусловивших проблему. Федоров сосредоточился на мерах, которые принимались для снабжения войск современным стрелковым оружием: «Чтобы уравновесить наше положение в деле вооружения с союзниками, нами и были произведены энергичные усилия во время самой войны, что и составляет <...> интерес и особенность Крымской кампании в отношении нашего ручного огнестрельного оружия» [56, с. 12]. Работа Федорова позволяет констатировать, что в эпоху Крымской войны Россия не начала, а продолжила вооружать армию нарезными ружьями и стремилась ускорить этот процесс. В 1855 г. в плановом порядке оружейным заводам было заказано 44 816 нарезных ружей и еще 19 700 – по «усиленным нарядам» [56, с. 13]. Примерно две трети этого оружия в том же году поэтапно отправилось в Крым [45, с. 1156]. При этом вскрылись производственные сложности. Технология была «не обкатанной», что увеличивало долю брака. Перегруженность заводов вынуждала передавать наряды частным изготовителям, у которых процент брака был особенно высок. В то же время оказался затруднен импорт: традиционные бельгийские партнеры-производители с началом боевых действий взвинтили цены, а недавно союзная Пруссия ввела запрет на

¹ Уязвимость артиллерийских расчетов сознавалась военной администрацией, и в 1855 г. комиссией при Главном артиллерийском управлении рассматривался проект о создании специальных стрелковых рот в составе полков и батальонов полевой артиллерии [56, с. 33].

транспортировку оружия через свою территорию, что потребовало от российской администрации непривычных ходов с использованием подставных лиц и проч. [56, с. 14–20].

Легко заметить, что это тот самый комплекс трудностей, с которым нам пришлось столкнуться в период СВО, когда потребовалось экстренно наращивать число беспилотников разных типов, а для этого диверсифицировать импорт, заниматься импортозамещением, расширять и модернизировать государственное военное производство. В этом контексте исследование В. Г. Федорова приобретает значение важного источника, позволяющего «просчитывать» возможные препятствия и ошибки.

История военной журналистики может и должна давать результаты сравнимой практической значимости. Следует четко сознавать, что журналистика военных эпох функционирует по законам военного времени, поскольку прямо или косвенно вовлечена в сам процесс войны. А это принуждает нас оценивать военную журналистику с позиций военной целесообразности. Скажем, в мирное время цензура, как правило, рассматривается в качестве тормоза в развитии общества, но в военное время она может превращаться в инструмент государственного и национального самосохранения. Всё, что оказывается в печати в военное время, приобретает новое значение и функцию. Так, роман-фельетон, публикуемый газетой в мирное время, служит для *развлечения* публики, а в условиях войны – для *отвлечения* публики; официальная полоса выглядит скучной рутинной в мирное время, но привлекает первостепенное внимание во время войны; ложная газетная новость в мирное время трактуется как обычный «грешок» прессы, а в военное время – как информационная диверсия.

Перо и штык

С усилением роли военной журналистики авторы начинали восприниматься по ассоциации с военнослужащими. Показательно, каким образом П. А. Вяземский характеризовал деятельность издателя и журналиста С. Н. Глинки, чей журнал «Русский Вестник» сыграл заметную роль в «войне перьев» наполеоновской эпохи: «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда Русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств» [12, с. 7]. Уместно вспомнить отзыв Вяземского и о брошюре Д. В. Давыдова (1825), опровергавшей замечания Наполеона о «русской кампании»: «Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор <...> продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины <...>» [13, с. 397].

Отождествление «пера» и «штыка» позднее отозвалось в лирике В. В. Маяковского («Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»), а еще позднее послужило профессиональным принципом военкоров Великой Отечественной войны [30, с. 3–5, 24]. Действенная роль военного журналиста и сейчас осознается военкорами в качестве гражданского долга. Достаточно вспомнить знаменитую «формулу» Е. Е. Поддубного, опубликованную 24 февраля 2022 г.: «Я военный репортер воюющей страны. Это моя война» [44].

Военные журналисты видят себя частью военного процесса, и наука должна исследовать военную журналистику как часть военного процесса и по аналогии с ним, охватывая систему во всей сложности взаимосвязанных элементов: личный состав, техническое оснащение, соотношение сил с силами противника, взаимодействие между средствами информации, совершенствование тактических решений и т. д.

Если говорить об эпохе Крымской войны, то наибольшая часть отечественных исследований недавних лет посвящена, условно говоря, «личному составу», то есть либо нашим авторам, освещавшим боевые события и откликавшимся на них [4; 5; 8; 11; 27; 38; 41; 42; 49; 57 и др.], либо английским и французским [6; 34; 28, с. 41–50; 60 и др.]. Важное значение имеют также исследования, анализирующие отражение Крымской войны в отечественных [24; 25; 29; 37; 36, с. 311–438; 43 и др.] или зарубежных [9; 21; 33, 39 и др.] периодических изданиях той поры. Значительно реже можно встретить работы, посвященные технической составляющей, скажем, функционированию телеграфного сообщения, но все же они есть [17; 23; 32]. Перечисленные и подобные им работы позволяют выявить особенности индивидуальной или редакционной тактики в освещении военных событий и в более или менее обширных фрагментах увидеть общую панораму «информационного противоборства», хотя динамика «информационных сражений» нами пока не всегда улавливается. Для этого необходимо больше материалов, позволяющих видеть факты в синхронном сопоставлении. Думается, анализ эпизода с распространением в 1854 г. ложных сведений о взятии Севастополя приблизит нас, подобно перечисленным исследованиям, к этой цели.

Пресса как военный ресурс

Основные участники Крымской войны располагали медийным ресурсом, но столь же отличным друг от друга, как отличались армии России, Англии и Франции. В России печать подвергалась наиболее строгому контролю, а количество периодических изданий сильно уступало и Англии, и Франции. Информацию о военных действиях имела дозволение печатать только официальная газета военного ведомства «Русский инвалид». Перепечатывать сообщения имела право официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости» и «Journal de Saint-Petersbourg». О последней следует сказать, что она принадлежала министерству иностранных дел и была создана еще в начале XIX в. для борьбы с наполеоновской пропагандой [15, с. 460]. Поскольку газета выходила на французском языке, она служила посредником между российской и европейской печатью. В целом же можно сказать, что никакая информация касательно боевых действий не могла просочиться случайно или самодеятельно; всё, что печаталось, было выражением официальной точки зрения.

В противовес этому Британия обладала наиболее либеральной системой печати. Цензурных ограничений там не существовало, но это не мешало власти опираться на поддержку газет, используя иные средства. В ходу были «покупные» статьи и подкуп редакций [18, с. 104]. «Свободой слова» управляли рыночные отношения и политические интересы, а успех издания во многом зависел от умения редакции лавировать между запросами аудитории и интересами политиков.

Во Франции пресса контролировалась, и законодательство в этой области было довольно сложным. Если говорить обобщая, то Наполеону III удалось серьезно стеснить свободу слова. Заграничную прессу можно было ввозить только по разрешению правительства [47, с. 203]. Что касается французских изданий, то с 1852 г. для их открытия тоже нужно было разрешение правительства. Ряд материалов, скажем, протоколы судебных заседаний или дебатов в Законодательном собрании, публиковать запрещалось [64, р. 448].

Общий принцип контроля предполагал не предварительный просмотр текстов, а систему наказаний уже по факту публикаций. Любое нарушение рассматривалось полицией, после чего на издание накладывался штраф. Газету можно было закрыть и по

судебному решению, и без него – просто волей министерства [64, р. 449]. Была разработана система «предупреждений», причем после третьего – газета закрывалась автоматически. Так что после 1852 г. выжило не очень большое число политических газет, а оставшиеся угадывали «фарватер» дозволенного, ориентируясь на официальную и полуофициальную печать. Официальным правительственным органом печати служила газета «Moniteur universel». «Patrie», «Costitutionnel» и «Pays» составляли «трио услужливых газет, призванных воспевать Империю и ее министров» [64, р. 460].

Итак, все три государства имели по-разному устроенные системы массовой печати, и каждая могла использовать их в начавшейся войне.

Начало информационного наступления

Информационная «артподготовка» началась после Синопского сражения, которое показало несостоятельность Турции в борьбе против России и побудило Англию и Францию вступить в конфликт. Победа русского флота в Синопской бухте с подачи «Times» получила в европейской прессе название «резня в Синопе» [9, с. 52]. С этого момента английская печать непрерывно обрушивала на Россию потоки гнева и критики, настраивая общество на вступление в войну. Что касается Франции, то там антироссийские настроения зрели с 1830-х гг. и даже послужили поводом для возникновения термина «русофобия» [50, с. 35], так что с началом конфликта французским газетам не пришлось наращивать градус антироссийских настроений. Теперь в сравнении с английскими газетами французские выглядели даже несколько сдержанными. «Moniteur universel», сохраняя вид официальной важности, избегала откровенных оскорблений от своего имени, впрочем, охотно перепечатывал злые антироссийские тексты из «Times» и других английских газет.

Основные английские издания заняли ярко выраженную провоенную позицию, при этом британская пресса изначально претендовала на некое автономное положение относительно правительства и военных. Уже в феврале 1854 г. редактор «Times» Д. Т. Делейн поручил корреспонденту Уильяму Расселу отправиться на военную базу на Мальте, куда английские войска перебрасывались, чтобы продемонстрировать России готовность Британии вступить в конфликт на Востоке [95]. Эту корреспондентскую миссию вроде бы поддержало правительство, но военные с первого дня восприняли присутствие «гражданского» негативно [63, с. 124]. Опасения военных оправдались: репортажи независимого корреспондента были наполнены критикой армейских порядков.

Французская пресса не могла позволить себе подобной самостоятельности. Собственного военного корреспондента, Альфреда Лонуа, газета «Moniteur» приобретет лишь летом 1854 г., но у него не будет независимого положения; Альфред Лонуа получит должность историографа при французской эскадре, то есть, по существу, будет находиться в подчинении флотского командования.

Со страниц европейских газет не сходили новости о военных действиях на Дунае, о присутствии англичан и французов на Востоке, о европейских дипломатических разногласиях. Но вот в марте 1854 г. Франция и Англия вступили в войну против России. Первые воодушевляющие новости должны были прийти с Балтики, куда эскадры союзников отправились сразу после объявления войны. Между тем оптимистические прогнозы не оправдывались. Русский флот укрылся в Финском заливе, защитившись от неприятеля минными заграждениями, что по тем временам было совершенной новинкой и явно смутило с противника. Пришлось ограничиться блокадой финского побережья.

На газетных полосах Балтийская кампания превратилась в отчеты о бесконечных морских переходах, за логикой которых читателю, думается, было трудно уследить. Единственным заметным событием стало разрушение в августе 1854 г. русской крепости Бомарзунд на Аландских островах. Англо-французская пресса пыталась придать этой победе грандиозное значение, но получалось с трудом. Во-первых, осада крепости была скоротечной и содержала не так уж много выразительных подробностей. Но главное, что разгром Бомарзунда не лишал русский флот присутствия на Балтике, а стало быть, не соответствовал обещаниям нанести России стратегическое поражение в этом регионе.

Впрочем, вести о Бомарзунде попали на страницы газет, когда надежды на значительные победы связывались уже с Востоком; там начинали концентрироваться основные силы союзников, туда же переносилось внимание аудитории.

Свобода слова и дезинформация

Войска англо-французов на Востоке концентрировались в болгарском городе Варна. Пресса регулярно сообщала о постепенном накоплении сил, что заставляло гадать о месте будущего удара по России. Одесса? Крым? Кавказ? Правительства Англии и Франции не спешили разглашать место предполагаемого удара, хотя уже в июне 1854 г. командующие войсками в Варне получили приказ готовиться к экспедиции в Крым [51, с. 23]. Но вот неожиданность: 7 августа, то есть более чем за месяц до самой экспедиции, «Moniteur» в рубрике «Выдержки из зарубежных газет» перепечатывает из «Times» такую информацию:

«Наконец-то мы можем представить нашим читателям нечто более серьезное, нежели догадки о передвижениях союзных армий на Востоке. На момент написания этой статьи, а возможно, и сегодня, армия, состоящая из английских, французских и турецких войск численностью от 80 000 до 100 000 человек, вторгнется в Крым и попытается захватить возвышенности, господствующие над севастопольским портом» [72].

Информация о количестве союзных войск преувеличена. Разведданные российской стороны были более точными: около 60 000 человек [51, с. 24]. Тем не менее возникает вопрос, почему русское командование не перебросило в Крым войска хотя бы равной численности? Единственное объяснение может состоять в том, что газетные публикации о планируемом нападении на Крым были восприняты в качестве дезинформации. С военной точки зрения удар нужно ждать в любом месте, кроме того, куда противник обещает ударить.

Но дело в том, что английская пресса, как было сказано, мало зависела от правительства; публикация в общем-то секретных данных увеличивала популярность «Times» и не грозила репрессиями. Можно, конечно, допустить, что «утечка» была организована правительством намеренно, чтобы запутать противника, но это означало бы, что англичане решились на слишком рискованную игру: при неудаче в Крыму на инициатора «утечки» легла бы ответственность за военный провал. Так или иначе, но «информационный шум» вокруг крымского направления удара российским командованием был воспринят как отвлекающий маневр, и радикальных мер к защите Крыма не предпринималось.

Характерно, что официальная французская «Moniteur» не спешила подтверждать или опровергать заявление «Times», и здесь следует сказать несколько слов о структуре газеты. Каждый номер открывался разделом «Официальные новости», где печатались

указы и постановления Наполеона III. Затем следовал раздел «Неофициальные новости», что, однако, не предполагало действительно неофициального содержания. Здесь, скажем, сообщалось, о мероприятиях, в которых принял участие император, публиковалась информация от различных ведомств. Причем даже министры, подавая сюда материалы, должны были их согласовывать с Государственным министром [64, р. 454]. Здесь же помещались некоторые военные и политические новости, ответственность за которые полностью брала на себя редакция, то есть французская власть. Наибольшая часть сведений о военных действиях и политических событиях содержалась в объемной рубрике «Выдержки из иностранных газет». Рубрика позволяла газете снабжать аудиторию интересными новостями, как бы освобождаясь от ответственности за их достоверность; ответственность как бы лежала только на плечах цитируемых изданий. Именно «как бы», поскольку на самом деле отбор материалов для рубрики подчинялся строгой логике. Сюда не попадали новости, скажем, об эпидемии холеры в лагере союзных войск или о других фактах, способных насторожить аудиторию.

Почему газета перепечатала новость о подготовке экспедиции в Крым? Вероятно, потому, что эта новость, по невоздержанности британской прессы, уже и так превратилась в «секрет Полишинеля», но при этом демонстрировала французской аудитории, что «*Moniteur*» ничего не утаивает от читателя.

Почти во все время подготовки крымской экспедиции «*Moniteur*» придерживалась этой логики: старалась не брать на себя ответственность за военные новости с Востока, но формировала выгодное для правительства общественное мнение за счет перепечаток из зарубежных газет. Лейтмотив этих перепечаток – грандиозность военной операции, задуманной на Востоке.

Пресса и фальстарт ожиданий

После уже цитированного выше сообщения «*Times*», содержавшего предположение, что экспедиция в Крым, быть может, уже началась, публика с 7 августа должна была открывать каждый газетный номер с надеждой увидеть новость о высадке в Крыму. Между тем новости приходили лишь о делящейся подготовке сил. 27 августа 1854 г. в «*Moniteur*» со ссылкой на английскую «*Morning Chronicle*» сообщалось, что последние корабли для Крымской экспедиции отправились из Константинополя в Варну, перевозя большое количество солдат, лошадей и амуниции [75].

31 августа французский читатель по фрагментам иностранных сообщений (из «*Globe*», «*Morning Chronicle*» и «*Ami du soldat*») узнавал, что экспедиционный корпус будет насчитывать 80 000 человек: 40 000 французов, 20 000 британцев и 20 000 турок; что энтузиазм турок «необычайный», а турецкие солдаты «крепки, выносливы и стремятся отличиться»; что «успех крымской экспедиции нанес бы невозполнимый ущерб русскому господству между Черным и Каспийским морями», а «при захвате Севастополя неизбежны захват Анапы и Сухум-Кале»; наконец, что для экспедиции «готовы 40 двух- и трехпалубных кораблей, 120 паровых корветов и малых военных кораблей»; и главное, что экспедиция должна была начаться еще 25 августа [74], то есть неделю назад. Следовательно, читатель, приблизительно зная, что новости из Варны доходят до европейских газет с опозданием дней в 10, мог ожидать, что уже в начале сентября «*Moniteur*» сообщит о высадке войск в Крыму.

Однако 2 сентября газета вполне безмятежно печатала в «подвале» первой полосы статью П. Мериме на архитектурную тематику о Хрустальном дворце в Сайденхэме [94]. А лишь на третьей полосе помещала сообщение «*Globe*», что в Варне «собрано и

загружено около 600 транспортных судов для экспедиции», погрузку материальной части задержал шторм, но войска могут погрузиться за день-два. По словам газеты, направление экспедиции не известно; «в основном считается, что это будет Крым и Севастополь, однако в некоторых письмах высказывается мнение, что это может быть экспедиция в Азию» [75]. Ожидания публики были обмануты, поскольку выяснилось, что операция не только не началась, но даже направление ее пока не определено. Винить в напрасных ожиданиях публика должна была не «Moniteur», а лишь английские газеты, ведь это они сообщили излишне обнадеживающую информацию.

Тем временем перепечатки из иностранных источников гласили (5 сентября), что в Одессе вместо дорогих экипажей теперь казацки разезды, а в Крыму усилены казацки пикеты и весь гарнизон под ружьем ожидает вторжения» [76, р. 879]. Оптимистичных сообщений было много. 8 сентября перепечатывалось предположение, высказанное в «Globe», что цель экспедиции – Севастополь, который планируется полностью заблокировать, и тогда его гарнизон сдастся от голода в течение недолгого времени, поскольку в городе, полагает «Globe», около 100 000 человек, из которых 70 000 военных [77].

То есть пресса заставила читателей целый месяц напрасно ожидать вестей о начале Крымской экспедиции и весь этот период держала в состоянии постоянного напряжения, не давая официальных разъяснений. Затянувшаяся «интрига» взвинчивала уровень победных надежд.

Официальная неторопливость

Наконец, 9 сентября, «Moniteur» решается взять на себя ответственность за важную новость из Варны и публикует на второй полосе обращение главнокомандующего Восточной армией маршала Сент-Арно к войскам: «Проведение ведет армию в Крым, где у стен Севастополя, этого средоточия русского могущества, она будет добиваться залога мира» [113]. После этого наступила уверенность, что удар придется именно по Крыму. И заметим, обращение Сент-Арно датировано 25 августа; то есть его путь до газетной полосы составил 15 дней! Это долго, но зато это была первая информация с места событий, за достоверность которой несла ответственность «Moniteur», а стало быть, французское правительство. Читатель должен был понять, что газета жертвовала оперативностью в интересах достоверности, но столь долгая задержка информации все же не могла не вызывать недовольства.

Лишь 11 сентября крымские новости попадают на первую полосу «Moniteur». С подзаголовком «Из Константинополя пишут» сообщалось, что принято решение атаковать Севастополь, дабы «нанести удар в самое сердце амбициозных надежд, которые Россия питает на Востоке и которые давно угрожают мировому равновесию» [97]. Источник сообщения не указан, но, поскольку содержательно оно дублирует уже опубликованное обращение к войскам Сент-Арно, у газеты не было повода усомниться в его правдивости. Пока мы видим, что газета отдает приоритет официальной информации, а не частным заявлениям.

В ожидании десанта

Теперь читателю приходилось дожидаться новостей о высадке десанта уже из самого Крыма. Новостей, однако, не было. Чтобы как-то удовлетворить интерес аудитории к крымской теме, «Moniteur universel» в двух номерах [93; 96] перепечатывает компилятивный очерк о Крыме из морского ежемесячного издания [14, с. 605] «Le Moniteur de la flotte», где полуостров представлен как «самая богатая, самая живописная

и самая восхитительная провинция Российской империи» [93]. Публикация, конечно, повышала привлекательность операции по завоеванию Крыма, но не давала читателю новостей о ходе этого завоевания. Нетерпение публики нарастало и принуждало редакцию заимствовать сведения из английской прессы.

Нам сейчас известно, что 14 сентября 1854 г. англо-французская эскадра начала высадку войск близ Евпатории в Крыму. Но французская пресса узнает об этом через несколько дней, пока же, 14 сентября, «Moniteur» перепечатывала из «Times» статью, сообщавшую, что якобы в Одессе некий генерал предписал жителям при вторжении союзников придать город огню и уходить вглубь территорий. «Times» называла такой указ «варварским, свирепым и безумным» и высказывала уверенность в его существовании, поскольку русские когда-то сожгли Москву. Английская газета, правда, признавала, что пожар Москвы имел некоторый военный смысл, но предполагаемое сожжение Одессы называл «свирепой прихотью» «деспотической власти» [78].

Ожидая официальных новостей, «Moniteur» заполняла полосы перепечатками из европейских и французских газет, где о крымской экспедиции говорилось в гадательном плане. Так, австрийские газеты предсказывали, что десант состоится «между возвышенностями Севастополя и небольшой речкой Балаклава» [79, р. 1030]), хотя речки такой не существует. Пауза в реальных крымских новостях снова затягивалась.

Соперничество телеграфов

Здесь следует пояснить особенности передачи информации с крымского театра войны в столицы вовлеченных в конфликт держав.

Ближайшая к Севастополю станция европейского электрического телеграфа располагалась в Бухаресте. Потому высадившимся в Крыму союзникам приходилось всякое сообщение доставлять паромом в Варну; откуда специальный курьер вез его через город Брашов и, пересекая Дунай, в Бухарест. Из Бухареста сообщение посредством телеграфа передавалась на австрийскую границу [110], затем в Вену, а оттуда – в Лондон и Париж. Чтобы оптимизировать график связи, через несколько недель после начала осады Севастополя союзники разработали план отправки пароходов до Варны [71, р. 338]. Планировалось, что при нормальном движении пароходов и оперативности курьеров сообщение будет достигать адресата за 5–6 дней [110], но, если судить по интервалам между крымскими событиями и публикациями о них в английской и французской прессе, такие сроки доставки удавалось соблюсти не всегда. А в первое время после высадки в Крыму, когда алгоритм отправки почты еще не был отлажен, регулярность и оперативность депеш вызвали множество нареканий. Радикально изменить ситуацию поможет лишь прокладка электрического кабеля от Варны до Крыма, которая с апреля 1855 г. действительно позволит союзникам передавать сообщения из Крыма в считанные часы.

До той поры русские каналы связи имели преимущество. В Крыму тогда использовался оптический (семафорный) телеграф Кулибина. Он представлял собой линию удаленных друг от друга каменных башен; на них устанавливались столбы с подвижными штангами, положение которых соответствовало символам, используемым при передаче данных. Аналогичная система использовалась во всей Европе до появления электрического телеграфа.

В Севастополе оптический телеграф появился еще в 1830 г. и действовал в интересах флота [32, с. 80]. К началу Крымской кампании он не утратил значения. Скажем, известие о приближении неприятельской армады к берегам полуострова получили в Севастополе

именно по этому телеграфу с пункта, располагавшегося на мысе Лукулл. Функции оптического телеграфа отнюдь не исчерпывались локальными задачами. Линия оптического телеграфа связывала Севастополь с другими приморскими городами и доходила до Москвы [71, р. 388]. От Москвы же до Санкт-Петербурга шла уже электрическая телеграфная линия [23, с. 27]. Эта комбинированная система позволяла передавать короткие сообщения из Крыма в столицу за два дня [71, р. 388] и, по признанию английских исследователей, оказалась «бесценной» для русской армии на первых порах войны [65, р. 14].

Совершенствование телеграфной сети шло быстрыми темпами. Важно, что к началу обороны Севастополя Россия уже имела рабочую линию электрического телеграфа от Санкт-Петербурга до Варшавы [32, с. 27]. Так что европейская пресса поначалу связывала надежды на более оперативные новости из Севастополя с развитием именно российской линии телеграфа. До тех пор, пока линия была дотянута лишь до Варшавы, на пути к европейским столицам сообщения задерживались на российской границе. Но в конце октября 1854 г. открылась линия через Кёнигсберг [89, р. 1198], которая доходила через Берлин до Гамбурга. Сообщение от Санкт-Петербурга до Гамбурга доходило за полчаса, так что журналисты ожидали ускорения крымских новостей, приходящих через российскую столицу [86]. Военных и политиков это, впрочем, смущало, поскольку важная в военном отношении информация очень быстро становилась известна в России. Палмерстон даже сетовал, что русским удастся «вечером в Петербурге перепечатывать ведущие статьи и самые интересные зарубежные новости из “Times”», опубликованные этой газетой утром [66, р. 248].

Забегая вперед, скажем, что состязание в сфере телеграфной связи продолжалось на протяжении всей войны. В определенный момент англичане оказались лидерами, сумев проложить кабель по дну Черного моря. Технология была несовершенной, и кабель прослужил менее года [115, р. 182], но этого вполне хватило для устойчивой связи с Лондоном и Парижем до конца кампании. Россия тоже спешила и вела линию электротелеграфа через важнейшие города Востока и Юга страны до Севастополя. В сентябре 1855 г. линия дошла до Симферополя, в начале октября – до Северной стороны Севастополя [32, с. 80]. Отставание от англичан составило менее полугода.

Частный телеграф vs официальные источники

Итак, 9 сентября «Moniteur» оповестила французских читателей, что начинается военная экспедиция из Варны в Крым. После этого напряженное ожидание новостей о начале экспедиции сменилось не менее напряженным ожиданием сообщений о гигантской десантной операции под Севастополем.

20 сентября в Вену поступило телеграфное сообщение, что союзные армии в Крыму высадились. Моментально началось своеобразное состязание за первенство передачи этой новости для европейской прессы.

В эпоху начала Крымской войны наибольших успехов среди телеграфных агентств добивалось французское агентство Гавас. Оно претендовало на абсолютное лидерство в предоставлении прессе политических новостей [90, р. 50]. Сенсационное сообщение о десанте Гавас получило из Вены 21 сентября в 2 часа ночи и тут же разослало газетам, которые уже утром смогли его напечатать. Между тем министерство финансов, получив ту же новость по собственному каналу связи, предоставило ее для биржи лишь днем [90, р. 50]. Частное агентство оказалось на несколько часов оперативнее официальных источников, и это взметнуло его авторитет до исключительных высот.

Электрический телеграф сам по себе воспринимался как революционное новшество; ажиотаж вызывала не только сама новость, но и способ ее передачи – по телеграфу [66, р. 249]! Агентства, распространявшие телеграфные сообщения, виделись источником наиболее актуальной информации; газеты стремились к сотрудничеству с ними, поскольку публикация телеграфных депеш гарантировала увеличение тиражей. В некоторых газетах существовали соответствующие рубрики: «Частный телеграф» в «La Patrie» или «Сообщения частного телеграфа» в «Gazette de France». И редакторов, и публику потрясала скорость получения информации. Вопрос о ее достоверности особенно и не ставился.

Объяснимо, почему «Moniteur», которая до того отдавала предпочтение официальной информации, 21 сентября опубликовала на первой полосе сообщение о крымском десанте, переданное Гавас. Конечно, это было отступление от принципа дожидаться официальных донесений, но новость была уже столь долгожданной, что откажись газета от ее публикации, она безнадежно проиграла бы другим европейским изданиям.

Впрочем, в отличие от многих других газет, «Moniteur» сделала оговорку, что сообщает эту новость частного телеграфа, «не ручаясь за достоверность» [«sous toute réserve»]. Вот сама новость:

«Вена, 20 сентября.

В сообщении из Константинополя от 18 числа говорится, что 25 000 французов, 25 000 англичан и 8 000 турок высадились под Евпаторией, не встретив сопротивления, и сразу выдвинулись к Севастополю.

Транспортные корабли вернулись в Варну за резервами» [98].

Оговорка «не ручаясь за достоверность» обозначает, что «Moniteur» не была готова всецело доверить собственный авторитет добросовестности частного телеграфа. Однако телеграф *официальный* проигрывал в оперативности. Так, на следующий день, 22 сентября, «Moniteur» опубликовала новость, полученную правительством по внутреннему телеграфу, но она выглядела устаревшей, поскольку относилась к событиям, предшествовавшим десанту: это было донесение британского главнокомандующего, датированное еще 12 сентября, лишь о подходе эскадры к берегам Крыма [99, р. 1049].

Словом, всё говорило в пользу частного телеграфа, тем более что первое сообщение о десанте начинало подтверждаться новыми телеграфными сообщениями. 25 сентября «Moniteur» публикует целую серию депеш (воспроизведем их порядок в колонке):

«Бухарест, 22 сентября:

“14 числа сего месяца войска союзников высадились в семи лье к северу от Севастополя, в местечке Старый форт. Высадка длилась шесть часов; местные проявили благожелательность к союзникам, предоставив им провизию. 18-го числа войска должны были выдвинуться к Севастополю, куда рассчитывали прибыть 20-го числа”.

Вена, 24 сентября:

“Высадка союзных войск прошла очень успешно 14-го числа, примерно в семи лье к северу от Севастополя. Официальные известия об этом достигли Константинополя 18-го числа”.

Вена, 24 сентября, семь часов вечера.

22 сентября Омер-Паша получил в Бухаресте следующее донесение из Старого форта, датированное 17 сентября и подписанное маршалом де Сент-Арно и лордом Рагланом:

“Ваша милость, мы успешно высадились к северу от Севастополя; противник не оказал никакого сопротивления нашему захвату позиций.

Это событие произвело глубочайшее впечатление на татарское население, которое не скрывает своей симпатии к нам. Снаряжение и артиллерия выгружены. Мы движемся на Севастополь с абсолютной уверенностью в успехе нашего великого предприятия”» [100].

И лишь на следующий день, 26 сентября, в «Moniteur» печатается рапорт (от 16 сентября) главнокомандующего французскими войсками в Крыму маршала Сент-Арно о результатах десантирования в Крыму. Рапорт командующего – официальный документ. Строго говоря, только на него и должна опираться официальная газета. Но если бы «Moniteur» отказалась от публикации телеграфного сообщения о десанте, а дожидалась официального рапорта, то опоздала бы с новостью на 5 дней. Это выглядело бы неоправданной предосторожностью, ведь рапорт Сент-Арно лишь подтвердил информацию телеграфного сообщения:

«Союзные армии высадились у Старого Форта 14 сентября, не встретив никакого сопротивления. Войска полны энтузиазма. Татарское население выглядит настроенным весьма доброжелательно. Мы обустроиваемся, последовательно выгружая лошадей и снаряжение; это трудоемкая операция, иногда затрудняемая ветром; но она продвигается, и я надеюсь, что завтра мы сможем выдвинуться. В целом, это весьма удовлетворительное начало» [101].

Словом, всё говорило о том, что телеграфная технология безоговорочно победила старое отношение к информации. Телеграфная депеша быстрее, а потому лучше официальных донесений.

«Шортрид» и... пустота

Телеграф имел недостаток: по нему можно было передавать лишь краткие текстовки. Такое лаконичное сообщение о событии распалало интерес публики к подробностям, а подробностей приходилось дожидаться по традиционным каналам доставки корреспонденции, и в этот промежуток времени наступал информационный вакуум. Чтобы его заместить, газета искала любую «сопутствующую» информацию в ожидании детальных описаний того или иного события. В ход шло всё: хоть как-то связанные с делом другие телеграфные сообщения, выдержки из французских и зарубежных газет, рассуждения отечественных и зарубежных авторов (что мы сейчас называем «экспертными мнениями»), наконец, фрагменты из ученых трудов о регионе событий. Так, 24 сентября «Moniteur» поместила посвященный Севастополю обширный фрагмент из «Путешествия...» французского геолога Ксавье Омер де Гелля. Автор бывал в русской крепости еще в начале 1840-х гг. и констатировал, что севастопольская эскадра в упадке, севастопольские батареи построены вопреки правилам фортификационного искусства и город легко захватить с сухого пути небольшим числом войск [91].

Получая из подобных материалов пищу для размышлений, читатель дожидался официальных донесений с места событий. Но эти донесения тоже поступали поэтапно. Сначала командующие присылали в свои столицы краткие рапорты о событии, а уже

затем – детализированные отчеты. В результате в одном номере газеты соседствовали телеграфные депеши о самых актуальных событиях; краткие военные рапорты о более ранних событиях, уже объявленных до этого депешами; подробные отчеты о тех событиях, что уже начали выпадать из сферы первостепенного интереса. Но и это не всё. Газета перепечатывала сообщения других газет, где также свежая информация шла единым потоком с устаревшей. Даже сама «Moniteur», уже сообщив о месте состоявшегося в Крыму десанта, продолжала публиковать предположения, где бы он мог состояться [88]. Наслоение информации превращало газетный номер в настоящий хронологический хаос, и читателю требовались немалые усилия, чтобы усвоить факты, подробности и мнения в их реальной последовательности.

Степень достоверности информации оценить было трудно, поскольку зачастую официальные донесения печатались вперемежку с частными корреспонденциями. Так, 30 сентября в «Неофициальных новостях» «Moniteur» сначала помещались развернутые рапорты вице-адмирала Ф. А. Гамелена о десанте в Крыму. Затем шла пространный выдержка из судебного журнала с флагманского корабля, повествовавшая о переходе из Варны в Крым (то есть о событиях перед десантом). Потом печатались сообщения от неофициальных лиц и из неофициальных источников: скажем, от некоего «флотского офицера», от некоего лица в Константинополе и из турецкой газеты. Получалось, что рядом с официальной (и, надо сказать, в основном достоверной) информацией оказывались сильные преувеличения, принадлежащие анонимным лицам. Например, упомянутый «флотский офицер» уверял, что потери русской армии в Крыму от холеры достигают 20 000 человек» [102, р. 1078], что звучит фантастично, поскольку весь армейский контингент на полуострове едва дотягивал до 50 000 [51, с. 106].

Сомнительно, чтобы обычный читатель, просматривая газету, составлял «хронологические таблицы», из множества обрывочных фактов. В сознании фиксировались лишь основные информационные вешки: войска сгруппировались в Варне – пересекли Черное море – беспрепятственно высадились в Крыму и направляются к Севастополю; следующий информационный повод – Севастополь.

Общий настрой разнородных публикаций внушал аудитории мысль, что крымская экспедиция – колоссальное предприятие, которое не знает аналогов в истории и под силу лишь такими развитыми державами, как Британия и Франция. На этом фоне «плохо укрепленный Севастополь» выглядел обреченным.

Фейк, затмивший победу

Итак, в последний раз «Moniteur» разместила сообщение о важном событии в Крыму 21 сентября 1854 г. Само событие – высадка войск близ Евпатории – датировалось 14 сентября. Читатель был вправе ожидать, что следующая новость из Крыма сообщит о подходе англо-французских войск к Севастополю либо о штурме города, и новость эта должна появиться к концу сентября – началу октября, поскольку из газетных публикаций читатель понял, что от места десанта до Севастополя расстояние небольшое.

Мы, однако, знаем, что путь неприятелю на Севастополь преградила русская армия численностью около 35 000 человек [51, с. 107], заняв позиции на возвышенном берегу реки Альма. 20 сентября почти вдвое превосходящими силами союзникам удалось прорвать фронт на одном из участков, после чего русская армия отступила к Севастополю, а союзники, не решившись на преследование, задержались на месте сражения для сбора убитых и раненых.

И вот 1 октября «Moniteur» публикует официальную депешу французского посланника в Вене, гласившую, что на пути к Севастополю союзникам пришлось вступить в сражение:

«Союзные армии 20 сентября встретили противника, укрепившегося на Альме, вступили с ним в бой и разгромили. Противник отступил к Севастополю» [103, р. 1081].

Вслед за этим газета помещала сообщение частного телеграфа:

«Русская армия силами в 50 000, укрепившаяся в лагере на Альминских высотах с многочисленной кавалерией и артиллерией, была атакована в час по полудню 20-го числа.

В три тридцать позиции были взяты в штыки, и противник был вынужден отступить» [103, р. 1081].

Уже на следующий день, 2 октября, «Moniteur» смогла подтвердить достоверность этой информации, опубликовав краткое донесение маршала Сент-Арно, составленное 20 сентября в биваке на месте Альминской битвы:

«Сегодня на Альме встретились с неприятелем. Он занял значительными силами поросший лесом овраг, где находятся дома и протекает река и который преодолим лишь в трех пунктах, а также возвышенности с очень крутыми склонами по левому берегу реки; он хорошо укрепился и был прикрыт артиллерией. Войска союзников атаковали эти грозные позиции с беспримерной отвагой. Со словами “Да здравствует Император!” наши солдаты захватили те, что располагались перед ними. Битва на Альме длилась четыре часа. Это прекрасное начало для нашего оружия. Французские войска потеряли 1 400 человек убитыми и ранеными. Мне еще не известны потери английской армии, которая доблестно преодолевала ожесточенное сопротивление» [104, р. 1085].

Победа в крупном сражении на незнакомой территории – событие чрезвычайно значительное и должно было на много дней приковать к себе внимание Европы. Но... Сразу после приведенного донесения Сент-Арно «Moniteur» опубликовала депеши и вовсе оглушительного содержания:

«Не ручаясь за достоверность, приводим следующую депешу, полученную по частному телеграфу.

Вена, суббота, 30 сентября.

“Турецкое посольство получило из Бухареста новость, что взяты два севастопольских форта”.

Вена, воскресенье, 1 октября.

В депеше, полученной Омер-Пашой, сообщается, что Севастополь захвачен со всем военным имуществом и флотом.

Гарнизону была предложена возможность свободного отступления, но он предпочел остаться в плену”» [104, р. 1085].

Публикация двух последних депеш стала роковой ошибкой – и не только газеты «Moniteur». Эти сообщения напечатали многие известные издания Европы.

На самом деле Севастополь будет взят лишь через 11 месяцев, но и тогда его арсенал и эскадра не окажутся в руках неприятеля, а гарнизон сохранит боеспособность. Почему французская официальная газета решилась опубликовать информацию, которая не подкреплена ни авторитетом источника, ни официальными заявлениями и в результате оказалась ложной? Только потому, что «Moniteur», подобно другим изданиям, подпала под влияние беспредельной веры в совершенство телеграфа.

Возможно, у читателя и возникло бы недоверие к этим сообщениям, но на той же полосе в «Moniteur» он читал, что император Наполеон III во время смотра в Булони завершил обращение к военным такими словами: «...<Французские солдаты>, быть может, уже сегодня водружают наши штандарты на стенах Севастополя» [104, р. 1085]. Это звучало, как поздравление со взятием города. Прибавим, что и некоторые другие французские газеты опубликовали ту же сенсационную новость синхронно с «Moniteur». «La Patrie» так и озаглавила публикацию: «Взятие Севастополя» [111].

3 октября «Moniteur», хотя снова с оговорками, уже смогла напечатать депешу, которая сигнализировала, что факт падения Севастополя признан австрийским правительством. Это было сообщение от французского посланника в Вене, получившего информацию от главы австрийского правительства графа Буоля:

«Граф де Буоль только что передал мне сообщение, адресованное имперским агентством в Бухаресте министру иностранных дел в Вене и отправленное из Бухареста 30 сентября в шесть часов вечера:

“Сегодня в полдень из Константинополя прибыл татарин [Tartar] с депешами для Омер-Паши. Поскольку последний находится в Силистрии, депеши ему пришлось пересылать. Этот татарин сообщил о взятии Севастополя. Согласно его донесению, 18 000 русских были убиты и 22 000 взяты в плен. Константиновский форт разрушен, а остальные форты с 200 орудиями захвачены. Шесть русских линейных кораблей потоплены. Князь Меншиков с остальными судами отступил во внутреннюю часть гавани и сообщил командующим осаждающих войск, что взорвет все свои суда, если атака продолжится. Ему дали шесть часов на раздумья, призвав сдаться во имя гуманности.

В Константинополь прибыли французский генерал и три раненых русских генерала”» [105, р. 1089].

Далее «Moniteur» сообщала, что австрийское правительство поздравило Наполеона III с «блестящей победой в Крыму» [105, р. 1089]. Поскольку об Альминской битве в этом номере газета не говорила, то становилось очевидным, что поздравление касается именно захвата Севастополя.

Ложная новость о падении Севастополя уже второй день продолжала победное шествие по страницам европейской прессы. Те французские газеты, которые еще не решались публиковать непроверенную сенсацию, теперь, по сути, с благословения официальной «Moniteur» стали перепечатывать депеши о «блестящей победе». Причем многие, например, «Le Siècle» [112] и «La Presse» [68], перепечатывали не только сообщение из «Moniteur», но и целую вереницу аналогичных сообщений из других французских и зарубежных газет. Возникал эффект «цитирования цитат» [67, р. 6], причем все воспроизводимые сообщения фактически восходили к одному и тому же ложному источнику, но проверить это было невозможно, и создавалось впечатление,

будто вести о падении русской крепости в Крыму доносит множество источников. Читатель не мог усомниться в правдивости множества авторитетных газет, тем более что ему довольно долго внушали мысль, что в Крым отправляется 100 000 солдат (на самом деле было около 60 000), а Севастополь слабо укреплен.

Точно такая же ситуация сложилась в Британии. 2 октября «Times», как и «Moniteur», поздравила публику не только с альминской победой, но и с захватом русского города, напечатав заглавными буквами заголовки «ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ» [92, р. 19]. На следующий день газета повторила заголовок, а 4 октября с восторгом заявила:

«Последние послания от наших корреспондентов из Вены и Парижа развеивают всякое сомнение относительно триумфа союзных армий и реальности самого блестящего успеха современной войны – подвига, не имеющего аналогов по масштабу, скорости и результатам. Теперь можно с уверенностью заявить, что форты Севастополя пали один за другим под атакой объединенных сил...» [92, р. 20–21].

В эйфории ликования никого не смутило, что 3 октября из Берлина поступила депеша русского командующего в Крыму Меншикова. Из нее следовало, что русская армия вышла из Севастополя в сторону Бахчисарая, а сам город нападению пока не подвергался [62]. Недоразумение в том, что по распространившейся в прессе информации Севастополь сдался 25 сентября, а депеша Меншикова была отправлена 26-го, то есть опровергала факт капитуляции. После непродолжительного анализа этой неувязки европейские газеты «победили» официальную депешу Меншикова: было решено, что его сообщение имеет ошибочную датировку [62].

Характерно, что об Альминском сражении «Moniteur» 4 октября напоминала читателю лишь перепечаткой из «Times», где не было никаких свежих подробностей битвы [80]. «Взятие Севастополя» затмило победу на Альме. Между тем официальных подтверждений «взятия» не приходило, и «Moniteur» оставалось лишь перепечатывать из других газет баснословные «подробности», которыми обрастало «падение русской крепости». Так, сообщалось, что «кровавопролитная битва» несколько часов длилась «возле города Kalantaï, расположенного на правом берегу Качи в шести лье к северу от Севастополя и в полулье от моря» [81, р. 1100]. Никакого города Kalantaï не существует, а на Каче сражений не было, но это не помешало авторам заявить, что Меншиков там «был наголову разбит» [81, р. 1100]. Говорилось также, что у стен Севастополя 22 сентября развернулась битва, которая продолжилась и на следующий день; русские при этом потеряли генерала и двух полковников, генерал Хомутов ранен [81, р. 1100]. Всё это не имело даже отдаленного отношения к действительности, и ложь начала открываться уже 5 октября.

Разоблачение фальшивки

В этот день британская пресса опубликовала сообщение из английской официальной переписки, которое гласило, что 28 сентября союзники устроили свою базу в Балаклаве, откуда вскоре собираются выступить в Севастополь. Это означало, что Севастополь до сих пор не взят; сообщения о его падении были обманом...

Официальной газете «Moniteur» пришлось 6 октября разместить эту обескураживающую депешу на первой полосе, а вместе с ней еще одну депешу – из Вены:

«Татарское сообщение¹ опровергается даже в Бухаресте. Это преувеличение Альминской битвы. Мы не получали прямых новостей из Константинополя с 24 числа. Австрийский консул в Одессе сообщает телеграфом 29 числа, что <...> союзники на Бельбеке в десяти верстах от Севастополя» [106, р. 1101].

Не в Севастополе, а в 10 верстах от него!

Достойный эпоса «захват Севастополя» оказался эпичным обманом. Это вызвало в обществе сильнейшее разочарование, которое нужно было чем-то купировать. «Moniteur» отыскивала в иностранных газетах ободряющие материалы. Скажем, рассуждения о том, что, разбив неприятеля на Альме, союзники уже выполнили главную задачу, поскольку сам Севастополь, «по мнению, компетентных знатоков, с сухого пути даже слабее укреплений на Альме» [82, р. 1104]. Вид крупной победы пытались придать захвату Балаклавы [106, р. 1101], хотя на самом деле селение защищала всего рота российских солдат [53, с. 233].

Противоречивая информация из разнообразных источников копилась, как снежный ком. В результате раздел «Выдержки из зарубежных газет» превратился в паутину взаимоисключающих фактов и мнений. Вот краткий обзор материалов только из номера за 7 октября [83]. Откуда-то «всплыла» не имеющая отношения к действительности информация, что 25 и 27 сентября якобы произошли «кровопролитные сражения» в районе Бельбека; но тут же высказывались сомнения на этот счет, поскольку уже 28 сентября англичане заняли Балаклаву, а это довольно далеко от Бельбека. Некое телеграфное сообщение гласило, что 25 и 27 все же были бои, и союзники находились на Бельбеке, а также на берегах реки «Merterewady», которой на самом деле попросту не существует. Потери русских под Альмой некоторые источники оценивали в 10 000, что было сильным преувеличением. Армию Меншикова считали то изолированной в Крыму, то ожидающей весьма скорого подкрепления с материка. Выражалась уверенность, что со скорым поражением Меншикова Крым будет «потерян для России». Кто-то сообщал, что французские и турецкие войска уже перекрыли сообщение между Симферополем и Перекопом, хотя простой взгляд на карту позволял понять, что это равнозначно захвату всего Крыма. Сообщалось, что татары из деревень западного Крыма готовы создать собственный военный корпус в помощь союзникам [83]. Словом, к «туману войны» газеты и телеграф примешали изрядную долю нестройных «информационных шумов».

Наконец, подоспели официальные донесения из Крыма о ходе Альминского сражения. 7 и 8 октября «Moniteur» печатала рапорты маршала Сент-Арно и вице-адмирала Гамелена. Здесь были действительно свежие и интересные подробности о действиях войск. Результаты должны были воодушевлять французов. Число участников битвы Сент-Арно оценивал в 120 000 человек [108, р. 1109]. Союзники не просто вытеснили 50-тысячную [108, р. 1109] армию противника с «мощно укрепленных» позиций, но даже захватили палатку главнокомандующего Меншикова с его перепиской и документами [107, р. 1105]. Потери русских, по словам Сент-Арно, были много больше, чем у союзников: на один труп из армии союзников приходилось 7 из русской [107,

---

¹ Под «татарским сообщением» подразумевалась та самая ложная депеша из Бухареста, опубликованная в «Moniteur» 3 октября и послужившая источником ложных новостей о падении Севастополя; как помним, она была составлена со слов некоего «татарина», прибывшего из Крыма с корреспонденцией для Омер-Паши.

р. 1105]. Общие потери неприятеля французский главнокомандующий оценивал в 5 000 [107, р. 1105] – 6 000 [108, р. 1109]. А по сведениям одного из французских дипломатов, публикуемым «Moniteur», они вовсе достигали 8 000 [107, р. 1105].

Во всем этом, конечно, были обычные для подобных документов преувеличения. В реальности позиции русской армии на Альме по ряду причин вообще не были укреплены [58, с. 60–64]. Русская армия смогла выставить не 50 000, а около 35 000 человек против 57 000 неприятеля [51, с. 107], так что общее число участников битвы составляло чуть более 90 000. Соотношение потерь действительно было не в пользу русской армии, но не достигало пропорции 7:1. Общие потери союзников историки оценивают в 4 500, русской армии – в 5 600 человек [51, с. 111]. Но даже завышенные цифры не могли воодушевлять аудиторию, которая уже привыкла верить, что при мифическом «взятии Севастополя» «18 000 русских были убиты и 22 000 взяты в плен» [105, р. 1089].

Победа на Альме, безусловно, имела для союзников стратегическое значение, поскольку определила ход всей дальнейшей кампании. Однако медийный эффект этой победы был обесценен всего одной ложной депешей: реальная победа на Альме «не дотягивала» до сфабрикованной «блестящей победы» над Севастополем.

Утка по-татарски

То, что в последнее время повелось называть «фейком», в XIX в. называлось «уткой» и подразумевало ложное известие, опубликованное в газете [31, с. 227–229]. Явление это было вовсе не редкостью, и характерно, что к середине XIX в. наибольшее число таких недостоверных новостей во французской прессе касалось информации о России. Поскольку французская печать последовательно «разгоняла» антироссийские настроения, в дело шли любые средства, в том числе и откровенный вымысел. Именно это имел в виду Бальзак, сделав в начале 1840-х гг. ироничное замечание: «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи» [Цит. по: 31, с. 227].

К «газетным уткам» читатели давно привыкли, но фальсификация с новостями о падении Севастополя была совершенно незаурядной по своим последствиям. Даже через месяц после разоблачения лжи «Times» отмечала в обществе разочарование ходом военных действий и причину видела в скороспелом и ложном сообщении о падении Севастополя: «В течение двух-трех дней Европа была убеждена, что Крым завоеван за десять дней кампании» [87, р. 1243].

Дезинформация такого уровня, или такая «утка», должна была получить и получила собственное название: «утка по-татарски». Природа выражения прозрачна. Как помним, источником ложных сведений стала телеграфная депеша, записанная со слов некоего «татарина» («Tartar»), который прибыл в Бухарест с корреспонденциями для турецкого главнокомандующего Омер-Паши. История умалчивает, был ли этот «татарин» действительно татарин или просто курьером, которых у турок было принято называть «татарами» [19, с. 39], но выражение прижилось, поскольку одновременно подчеркивало и «восточный колорит» Восточной войны, и абсурд ситуации, когда европейская пресса растиражировала мнение некомпетентной персоны.

Сын свергнутого Луи-Филиппа, боевой генерал африканских войн герцог Омальский жил в ту пору изгнанником в Англии. 1 октября 1854 г., едва получив ложную новость о Севастополе, он писал на родину своему бывшему наставнику: «Севастополь взят! Никто не желал успеха французского оружия больше, чем я; никто не радовался этому больше» [70, р. 570]. А уже 9 октября разочарованно сетовал:

«Мой дорогой друг, утка по-татарски (le canard à la Tartare. – В. О.) оказалась островатой; здесь её оценивают как Stock jobbing hoax (с англ. «биржевой обман». – В. О.) К сожалению, она испортила битву при Альме, прекрасное и славное событие <...>» [70, р. 572].

Понятно, что мимо «утки по-татарски» как символа европейской самонадеянности не прошла русская пресса. В ноябре 1854 г. «Санкт-Петербургские ведомости», знакомя читателей с новостями зарубежной печати, останавливалась на статье из газеты «Daily News»:

«Пишут, что когда союзный лагерь узнал о татарской утке, то армия даже была оскорблена тем, что общественное мнение почло детской игрушкой гигантскую задачу союзников. (Итак, татарину никто не остался благодарен)» [19, с. 1208].

Выражение «утка по-татарски» (а наряду с ним – «татарское известие» [10, с. 39]) разлетелось по Европе и прочно закрепилось в европейских языках [67, р. 10–13]. Это многое говорит об истинном значении информационного скандала вокруг ложного захвата Севастополя. Известно, скажем, что в США в 1854 г. этот скандал произвел «неизмеримо большее впечатление, чем ранние победные реляции». Американские газеты восприняли его как новую сенсацию: «Жирным шрифтом на первых полосах появились заголовки: “Взятие Севастополя – ложь! Взрыв Константиновского форта – ложь! Разрушение части русского флота – ложь!”» [10, с. 39].

Английская и французская печать на какой-то момент оказались в состоянии шока. Строго говоря, французским газетам за размещение недостоверных сообщений полагалось наказание. В соответствии с порядком, введенным с 1852 г., публикация ложной информации считалась преступлением, даже если редакция сделала это непреднамеренно [64, р. 448]. Другой вопрос, что на сей раз нарушение закона было столь тотальным, что, следуя его букве, пришлось бы закрыть все французские газеты, включая официальную «Moniteur». Так что карательных мер можно было не ждать. Важнее были репутационные издержки. Доверие и к частным телеграфным агентствам, и к газетам оказалось сильно подорвано. Простыми извинениями перед публикой эту проблему решить было невозможно.

Мир прессы был обескуражен и сразу после изобличения обмана занялся тем, что в наше время назвали бы «разбором полетов». Наиболее активно за это взялись британцы. Одна из самых популярных газет «The Illustrated London News» 7 октября опубликовала статью «Мнимый захват Севастополя» [62]. Это настоящее расследование, в котором по дням и часам прослеживалась краткая, но стремительная история ложного севастопольского сообщения, на несколько дней погрузившего европейскую публику в «рай для дураков» [62]. Газета не щадила самолюбие союзников и рассказывала, как Наполеон III, поверив недостоверной информации, готовился к общенациональному торжеству: «В Париже артиллеристы находились подле орудий перед Домом инвалидов с зажженными спичками, готовые устроить салют, как только поступят официальные новости. Наборщиков императорской типографии не отпустили домой, ожидая, что их помощь понадобится для публикации депеш от маршала Сент-Арно» [62]. В целом газетное расследование подводило к тому, что первыми распространять дезинформацию начали издания, обслуживающие коммерческий мир, и, стало быть, целью обмана были биржевые спекуляции.

К тому же выводу приходили Ф. Энгельс и К. Маркс. Они в то время сотрудничали с американской газетой «New-York Daily Tribune», где напечатали две передовицы с собственным расследованием севастопольской «мистификации, не имеющей равных себе в истории» [26, с. 518]. Кстати, одна из этих статей начиналась фразой: «Поймай татарина!» [26, с. 517], которая в данном контексте ассоциировала известный английский фразеологизм¹ с актуальным информационным казусом.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели возможность разбирать ситуацию, находясь в стороне от скандала. То же можно сказать и о только что цитированной газете «The Illustrated London News»: она выходила раз в неделю, так что вся скандальная история успела начаться и закончиться как раз в интервале между выпусками номеров. Опубликовать фальшивую новость газета попросту не успела. А вот для «Times» ситуация была весьма щекотливой. Издание так громко и уверенно пропагандировало ложную победу, что вполне могло восприниматься одной из главных движущих сил всеобщего обмана. Учитывая, что «Times» и без того упрекали в манипулировании общественным мнением [22, с. 48], редакции следовало как-то оправдаться перед публикой. А потому «Times» не стала отмалчиваться, а занялась публичным анализом причин, приведших к массовому обману.

Тем более непростым было положение французской официальной газеты «Moniteur». Опубликовав (пускай даже с дежурными оговорками) ложное сообщение, она, с одной стороны, дала «добро» другим французским газетам на распространение дезинформации, а с другой – причинила ущерб власти, ненамеренно изобличив ее неосведомленность о ситуации на театре боевых действий. Редакция «Moniteur», однако предпочла не оправдываться самостоятельно, а «перепоручить» эту задачу «Times», разместив на своих страницах соответствующий материал из этой газеты за 6 октября:

«После того, как вчера правительство получило официальные донесения из Константинополя, менее достоверные сообщения, которые в течение пяти дней воспринимались с таким энтузиазмом и всеобщим доверием, полностью испарились.

В другой раз было бы любопытно разобратся, как сообщение, которое сегодня кажется не просто преувеличенным, но и сфальсифицированным, приобрело достаточно веса и авторитета, чтобы завоевать доверие подавляющего большинства цивилизованной Европы, включая не только журналистов и их читателей, но даже тех, кто хорошо знаком с передвижениями армий, и государственных деятелей, стоящих во главе правительств осторожных и нелегковерных.

Вероятно, благодаря живому нетерпению, с каким общество желает увидеть, а по возможности, и ускорить свержение русского могущества, эта новость была воспринята с большей жадностью, чем того заслуживала. Но нет никаких сомнений, что именно благодаря частым и, казалось бы, согласованным заявлениям, она была принята повсюду. Однако мы должны развеять недавно возникшие у нас ложные представления и сформировать более точное представление о наших позициях на основе официальных документов <...>» [84, р. 1111].

---

¹ Catch a Tartar – букв. «поймать татарина». Идиома, обозначающая ситуацию, когда противник неожиданно оказывается сильнее или хитрее тебя.

«Формируя прочное представление о позициях», «Times» перечисляла достоверно известные достижения союзников в Крыму: успешный десант, победа на Альме, захват Балаклавы, а в целом – подводила к мысли, что Севастополь с суши плохо укреплен и долго не продержится. Иными словами, газета пыталась погасить общественное разочарование новыми завышенными ожиданиями.

Французская пресса поначалу вообще боялась печатать телеграфные сообщения. 7 октября, как раз в разгар информационного скандала, парижские газеты получили сообщение о смерти главнокомандующего французской армией в Крыму маршала Сент-Арно [67, р. 10]. Это была правда, маршал действительно умер от холеры. Но поскольку «Moniteur» не разместила у себя эту новость, другие французские газеты сочли сообщение очередной фальшивкой и не стали ее печатать. «Moniteur» напечатала сообщение лишь 9 октября [109, р. 1113], и уже после этого оно появилось, например, в «La Presse», которой пришлось извиняться перед публикой за устаревшую новость и признать, что даже в английской прессе сообщение о смерти французского командующего печаталось на день раньше [69].

Осторожность заставляла отказываться от публикации непроверенных телеграфных сообщений, но в то же время были нужны быстродействующие средства, чтобы преодолеть разочарование, вызванное преждевременной вестью о падении Севастополя. А ничего более быстродействующего, чем новые «безымянные» телеграфные сообщения о победах в Крыму, не находилось. Видимо, поэтому «Moniteur» 9 октября решила напечатать (правда, в «Выдержках из зарубежной прессы») очередную депешу о какой-то очередной громкой победе:

«Белград, 30 сентября. Сегодня вечером прибыли курьеры с депешами в Лондон и Париж. Я узнал, что под Севастополем произошло крупное сражение. Поле боя осталось за союзниками, которые захватили 60 пушек, а также большое количество пленных, которых отправили в Константинополь» [85, р. 1115].

Кто этот «я»? Когда и где произошло сражение? Если имеется в виду Альминское сражение, то почему «под Севастополем» и зачем вообще это краткое сообщение, если об Альме к тому времени уже было написано в подробностях? Для читателя, как и для истории, всё это осталось тайной, поскольку задача сообщения – лишь взбодрить публику информацией о военных успехах. Рискованно очередным скандалом, но, видимо, действительно.

За «утку по-татарски» европейская пресса расплатилась по весьма высокой цене, но газеты всё же не представляли, чем заменить это блюдо в новостном меню.

Цензура завышенных ожиданий

Разумеется, в России следили за информационным скандалом. «Санкт-Петербургские ведомости» с удовлетворением констатировали, что, по сообщениям из Вены, «со времени знаменитой мистификации турецкого курьера и последовавших за ней донесений, замечательных отсутствием всякого существенного успеха, в мнении значительного большинства публики произошел явный переворот, и она возвратилась к умеренности и рассудительности» [19, с. 1208].

Для официальной российской газеты «мистификация турецкого курьера» была важна в двух отношениях: во-первых, она привела к некоторому ослаблению антироссийского энтузиазма в обществе «колеблющихся» Австрии и Пруссии; а во-вторых, убеждала в правильности некоторых цензурных ограничений в отношении отечественной печати.

Как известно, решения российской цензуры регламентировались специальным Уставом. Он был принят еще в 1828 г., но, по необходимости, мог дополняться отдельными циркулярами. Поскольку начало Крымской войны сильно повлияло на общественные настроения, а соответственно, на тональность и тематику печати, понадобились уточнения для действий цензуры в военных условиях. Изучив архив цензурных дел той поры, исследователь М. С. Черячукин делится ценными наблюдениями [61]. С началом войны количество патриотических произведений значительно возросло. Это, конечно, приветствовалось, но многие сочинения мотивировали власть к ряду ограничений. Так, были запрещены оскорбления [61, с. 48] в отношении противника, что не позволяло патриотическим текстам скатываться в стилистику площадной перебранки. Не пропускались откровенно низкохудожественные тексты, которые обесценивали патриотическую тематику. Но, что самое важное в контексте нашего разговора, еще в мае 1854 г., то есть не «по урокам» «севастопольского фейка», а предвосхищая его, был принят циркуляр, в соответствии с которым «частные сведения» «о подвигах в сражениях» могли быть допущены к печати лишь после «получения удостоверения о действительности сих подвигов» [61, с. 50–51]. Нет сомнений, что последнее решение было предусмотрительно нацелено на предотвращение казусов, подобных «татарской утке» в европейской прессе.

Меньше всего хотелось бы заниматься реабилитацией николаевской цензуры. Нам уже приходилось говорить, что неразумно выстроенная информационная политика накануне Крымской кампании позволила будущему военному противнику России – Франции – взять пропагандистскую инициативу в свои руки [35]. Во время самой войны информация о боевых действиях сообщалась отечественными изданиями столь скупно, что вынуждала публику черпать сведения из зарубежной прессы [36, с. 52–54]. Официально считалась, что эта пресса не имеет доступа к российскому читателю, но на практике ее широкий нелегальный поток просто невозможно было пресечь.

Недостоверность многих европейских публикаций была для российского читателя очевидной. Когда летом 1854 г. англо-французская эскадра безуспешно пыталась угрожать Петербургу, Ф. И. Тютчев находился в столице и сообщал супруге о настроении общества:

«В особенности много смеялись, припоминая известие, появившееся на днях в иностранных газетах, а именно, что в Петербурге смятение, что все население бежало и 40 тысяч башкиров вызваны защищать столицу» [54, с. 215].

При этом могло вызывать досаду, что даже ободряющую для русского общества информацию легче найти во враждебных газетах, нежели в своих. В. С. Аксакова записала в дневнике зимой 1855 г.:

«По иностранным журналам видно, что, в самом деле, армия английская под Севастополем в крайнем положении, французы заняли все английские посты, англичан осталось всего тысяч 21, и те наполовину не в состоянии работать. “Times” не щадит выражений, чтобы представить ужасную картину всех бедствий, и не скупится укорами правительству» [3, с. 113].

С явным раздражением сдержанность российской прессы воспринимал и Тютчев. После крайне неудачной для противника июньской попытки штурмовать Севастополь Тютчев, сопоставляя информацию об этом деле в российской и зарубежной печати, делился с супругой:

«<...> Еще более поражаешься, наблюдая, как мы здесь поддерживаем их ложь и их утайки пошлым смирением наших бюллетеней и непостижимым старанием преуменьшить потери врага в наших донесениях. Так, например, в последнем бюллетене не решились сказать, что в этом деле они оставили в наших руках тысячу сто человек, из которых четыреста сдались без боя <...>. А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения. Так, например, на днях бедный Мальцов решил, будто ему будет дозволено в какой-то невинной статье для “Journal de St.-Petersbourg” сказать, что англичане ведут пиратскую войну у наших берегов. Представь, канцлер заставил его вычеркнуть это выражение как слишком оскорбительное» [54, с. 234].

В приведенных откликах следует отделять эмоциональную составляющую от фактической. Во время войны для человека естественно напряженно ожидать успехов своей армии. Их отсутствие сказывается болезненно, и человек настроен с доверием воспринимать всякую информацию, содержащую хотя бы намек на военную удачу. Если говорить конкретно о неудавшемся штурме союзников 18 июня 1855 г. и о приведенных оценках Тютчева, то для англо-французов это действительно был ошеломляющий провал, а потери их были чрезвычайно высоки. Но тютчевские данные о 1 100 пленных не находят доказательств по трудам историков. Похоже, это информация из той самой категории, которая не попадала в печать по отсутствию официальных подтверждений – чтобы не завывать безосновательно победных ожиданий. И, думается, это было обосновано: хотя Севастополь и отбил неприятельский штурм 18 июня, положение защитников крепости оставалось крайне тяжелым.

Что же до излишней «деликатности» газеты Министерства иностранных дел «Journal de St.-Petersbourg» и главы Министерства канцлера К. В. Нессельроде, то раздражение Тютчева объяснимо. До войны Нессельроде занимал пассивно-деструктивную позицию в отношении внешних информационных угроз [35, с. 145], и Тютчев, конечно, об этом знал. В период же самой войны Нессельроде в информационном поле старался сохранять позу, так сказать, «рыцарского достоинства», что на фоне откровенной клеветы и прямых оскорблений со стороны английских газет выглядело как неспособность на адекватную реакцию. И здесь, пожалуй, стоит говорить о «личном факторе», когда тот или иной чиновник трактовал цензурное законодательство в духе максимальной строгости.

Во время Крымской войны сказались пагубные последствия того давления, которое николаевская цензура оказывала на прессу в мирное время. До войны многие патриотические инициативы в сфере печати рухнули, натолкнувшись на непробиваемую бюрократическую стену (и Тютчев испытал это на собственном опыте [35, с. 148–149]). За многие годы аудитория привыкла воспринимать всякое ограничение в сфере печати как неоправданную строгость. Неудивительно, что порою не находили понимания и те решения, которые были продиктованы военной необходимостью. Но так или иначе, а циркуляр, не допускающий в прессу «победных» сообщений до их официального подтверждения, следует признать соответствующим требованиям военного времени. В информационном противостоянии он еще сыграет свою роль, и мы вернемся к этому вопросу в следующей части нашей статьи, где будем анализировать новостную тактику французской официальной прессы после скандала с ложной новостью о взятии Севастополя. Предваряя будущий разговор, скажем, что негативный опыт, приобретенный европейской прессой во время распространения «татарской вести», не ограждал газеты от публикации новых фейков. Пока же подведем промежуточные итоги.

ВЫВОДЫ

К началу военных действий в Крыму Англия и Франция располагали намного большим печатным ресурсом, нежели Россия, однако во Франции и особенно в Англии контроль над прессой был значительно слабее. В условиях обострившейся военно-политической обстановки новостная тактика в этих странах зачастую выстраивалась стихийно и по образцам мирного времени. Во главу угла ставилась популярность самого издания и сиюминутных политических интересов без учета последствий для общественных настроений в перспективе серьезного военного конфликта.

В результате в обществе преждевременно нагнеталось напряжение в связи с ожиданием военных действий. Стремясь увеличить поддержку общественного мнения для военных инициатив, пресса преувеличивала численность и возможности англо-французских войск, недооценивая при этом сложность будущих боевых задач. Это сформировало настроение завышенных ожиданий военного успеха, что неизбежно должно было привести к пропорционально глубокому разочарованию при столкновении с военной реальностью.

В британской прессе преобладала тактика погони за оперативностью и сенсационностью материалов. Французская официальная печать поначалу удерживалась от этого тренда, отдавая предпочтение подтвержденной информации, что ставило ее в невыгодные конкурентные условия с британской прессой, не ограниченной ответственностью за публикацию непроверенных источников. Официальная печать Франции стремилась частично компенсировать свое отставание в оперативности и количестве новостной информации, активно цитируя английские газеты, что зачастую вело к ретрансляции материалов, искажающих действительное положение дел. В конце концов официальная газета Франции «*Moniteur universel*» сама поддалась общей тенденции и отдала приоритет оперативности военных сообщений в ущерб подтверждению их достоверности.

Ситуация значительно усугублялась неготовностью европейской печати корректно оценивать свойства революционного на тот момент технологического достижения – электротелеграфной связи. Телеграфным сообщениям «по умолчанию» оказывалось неоправданно высокое доверие, «отключавшее» как опцию необходимость проверять компетентность отправителя информации.

На этом фоне множественность печатных изданий в Европе служила благодарной почвой для «вирусного» распространения ложной информации [67, р. 7], что при отсутствии официальных комментариев и опровержений открывало возможность тотальной дезинформации.

Перечисленные обстоятельства создали идеальные условия для новостной мистификации, убедившей европейское мнение в падении Севастополя. Это ложное убеждение внезапно гипертрофировало и без того завышенные ожидания общества, но быстро привело к тяжелейшему разочарованию, обесценившему моральный эффект от реальных боевых успехов.

Испытав шок, европейская пресса осознала свою уязвимость для ложных сообщений и необходимость корректировать новостную тактику. Привело ли это к реальным изменениям, покажут наблюдения, изложенные в следующей части нашей статьи.

Список литературы

1. *Аверченко С. В., Татаринев Г. Г.* Развитие стрелкового вооружения русской армии: от Крымской до русско-турецкой войны (1853–1878 гг.) // Современная научная мысль. – 2025. – № 2. – С. 56–63. – DOI: 10.24412/2308-264X-2025-2-56-63.
2. *Айрапетов О. Р.* Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 3. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5–23.
3. *Аксакова В. С.* Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. – СПб.: Огни, 1913. – 174 с.
4. *Александрова Е. В.* Жанровая природа «Трех глав из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» Е. П. Ковалевского // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (216). – С. 121–130. – DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130.
5. *Александрова Е. В.* Крымская война в рецепции Е. П. Ковалевского и Л. Н. Толстого // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 156–172. – DOI 10.17223/24099554/15/9.
6. *Алентьева Т. В.* Английский взгляд на Крымскую войну // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 4 (50). – С. 1–18.
7. *Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А., Токарева А. Я.* История России. 9 класс. Учебник для общеобразовательных организаций: В 2 ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 2016. – 160 с.
8. *Баранская Е. М.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. в жизни и мемуарах А. А. Фета // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 16–29.
9. *Бобков М. Ю.* Освещение Крымской войны в газете «The Times» (ноябрь–декабрь 1853 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10. – С. 45–53. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53.
10. *Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П.* Общественность США и оборона Севастополя в 1854–1855 годах // Новая и новейшая история. – 1978. – № 4. – С. 35–52.
11. *Бояркина Н. В.* «Кровью бы следовало писать эти записки, не чернилами»: корреспонденции Петра Алабина из осажденного Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11 (77). – № 3. – С. 129–142.
12. *Вяземский П. А.* Сергей Николаевич Глинка: [Некролог]. – СПб.: Тип-я. Имп. АН, 1847. – 23 с.
13. *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
14. Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца [и др.]. Т. 6. – СПб: Т-во И. Д. Сытина, 1912. – 648 с.
15. *Гринченко Н. А.* «Journal de Saint-Petersbourg», 1825–1917 гг.: из истории издательской деятельности Министерства иностранных дел // Федоровские чтения. 2007. – М.: Наука, 2007. – С. 459–469.
16. *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1900. – 438 с.
17. *Ермолов П. П.* Предыстория развития радиотехнологий в Крыму // Дослідження з історії техніки. – 2011. – Вип. 14. – С. 23–43.
18. *Жолудов М. В.* Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 100–107.
19. Иностранные известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1854. – 7 ноября. – № 249. – С. 1207–1928.
20. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 512 с.
21. *Красавченко Т. Н.* Сюжет о Крымской войне (1853–1856) в британской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 62–77. DOI: 10.31249/lit/2021.02.05.
22. *Куручкин С. С.* Дискуссия о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854–55 гг. в британской публицистике в период Крымской войны (по материалам памфлета «Whom shall we hang») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 46–57.
23. *Ларин Д. А.* Криптографическая деятельность в период Крымской войны // Вестник РГГУ. – 2014. – № 11 (133). – С. 26–34.

24. Лучинский Ю. В. Критика европейской прессы на страницах «Северной пчелы» в период Крымской войны // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Медиапир, 2022. – С. 30–32.
25. Лучинский Ю. В. Освещение начала Крымской войны на страницах «Северной пчелы» // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КГУ, 2025. – С. 65–68.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. Изд-е 2. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. – 771 с.
27. Мащенко А. П. «Американский Крым»: обман зрения. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
28. Мащенко А. П. Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 8–16.
29. Мащенко А. П. Крымская журналистика в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 3–27. – DOI 10.29039/2413-1679-2025-11-4-3-27.
30. Машкова Е. Е., Меджитова Э. С. Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2024. – Т. 21. – № 4(98). – С. 148–158. – DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158.
31. Мильчина В. А. «В наши дни большинство уток вывозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1-2. – С. 225–255.
32. Миронова И. С. История развития телеграфной связи в Крыму в XIX – начале XX в. // Международный научноисследовательский журнал. – 2012. – № 7. – С. 79–82.
33. Некрасова М. Ю., Барская О. В. Репрезентация образа противника в британском газетном дискурсе Крымской войны // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 292–295.
34. Орехов В. В. Военный репортаж и логика информационных ограничений (на материале севастопольских корреспонденций Ф. Ж. де Базанкура) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 6. – С. 5–15.
35. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 131–167.
36. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
37. Орехова Л. А., Первых Д. К. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 189–206.
38. Орехова Л. А., Суцинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 42–50.
39. Орлов А. А. Британская пророссийская публицистика эпохи Крымской войны (на примере брошюры «Крест против Луны», 1854) // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2-2. – С. 285–299.
40. Пармонов В. Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 6. – С. 26–37. – DOI 10.15688/jvolsu4.2016.6.3.
41. Первых Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
42. Первых Д. К., Первых В. В. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
43. Первых Д. К., Первых В. В. Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 73–79.

44. *Поддубный Е. Е.* Восемь лет Киев воевал с Россией... 24.02.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://t.me/s/epoddubny> (дата обращения: 18.10.2025).
45. *Попов Г. Г., Барабаш В. В., Поплавская Н. В., Казенков О. Ю.* Развитие огневой мощи русской армии в первой половине XIX в. в сравнении с противниками как фактор побед и поражений России в Наполеоновских и Крымской войнах // *Былые годы*. – 2024. – № 19 (3). – С. 1148–1160.
46. *Прутицков Г. В.* История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
47. *Раевский А. А.* Законодательство Наполеона III о печати. – Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1903. – 329 с.
48. *Рычков С. Ю.* «Побудить все европейские дворы к тому, чтобы они... вынесли России международный приговор»: английская провокация на мысе Ханко в период Крымской войны // *Военно-исторический журнал*. – 2022. – № 5. – С. 50–55.
49. *Строганов М. В.* Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове и общественных волнениях // *Литературный факт*. – 2022. – № 1 (23). – С. 218–230. – DOI 10.22455/2541-8297-2022-23-218-230.
50. *Таньшина Н. П.* Русофобия: История изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 496 с.
51. *Тарле Е. В.* Собр. соч. в 12-ти т. Т. IX. – М.: Академия наук СССР, 1959. – 627 с.
52. *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма. 1835–1910. – М.: Гослитиздат, 1958. – 475 с.
53. *Тотлебен Э. И.* Описание обороны Севастополя. Т. I. Ч. I. – СПб.: Типография Н. Тиблена и ко., 1863. – 677 с.
54. *Тютчев Ф. И.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 446 с.
55. *Федосов И. А.* История СССР. Учебник для 8 класса. – М.: Просвещение, 1982. – 224 с.
56. *Федоров В. Г.* Вооружение Русской армии в Крымскую кампанию. – СПб.: Тип. С. Н. Цепова, 1904. – 206 с.
57. *Франк С.* Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) // *Крымский текст в русской культуре: Мат-лы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.)*. – СПб., 2008. – С. 126–145.
58. *Ченнык С. В.* Альма. 20 сентября 1854 года. – Симферополь: Магистр, 2004. – 376 с.
59. *Ченнык С. В.* Вторжение. – Севастополь, 2010. – 320 с.
60. *Ченнык С. В.* Крымская война на книжных страницах... // *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2016. – Т. 21. – № 6. – С. 83–91.
61. *Черячукин М. С.* Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // *Петербургский исторический журнал*. – 2024. – № 2. – С. 47–60.
62. *Alleged Capture of Sebastopol* // *The Illustrated London News*. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
63. *Atkins J. B.* The life of Sir William Howard Russell. T. 1. – London: John Murray, 1911. – 393 p.
64. *Avenel H.* Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. – Paris: Ernest Flammarion, 1900. – 884 p.
65. *Beauchamp K.* A history of telegraphy: its technology and application. – London: The Institution of Electrical Engineers, 2001. – 408 pp.
66. *Bektas Y.* The Crimean War as a technological enterprise // *Notes and Recjrds*. – 2017. – Vol. 71 (3). – P. 233–262. – DOI: 10.1098/rsnr.2016.0007.
67. *Bolz L.* Dire et redire l'actualité. La circulation d'une fausse information en 1854 // *Balisages. La revue de recherche de l'Enssib*. 2024. № 8 «La désinformation, hier et aujourd'hui. Une approche interdisciplinaire. Les contextes». – P. 1–15. – DOI: <https://doi.org/10.4000/11sui>.
68. *Bulletin du jour* // *La Presse*. – 1854. – 3 octobre. – P. 1.
69. *Bulletin du jour* // *La Presse*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1.
70. *Cuvillier-Fleury A.-A.* Lettres au duc d'Aumale // *Revue des Deux Mondes*. – 1903. – Т. 15. – P. 542–579.
71. *Dodd G.* Pictorial history of the Russian war 1854-5-6. – London, 1856. – 584 p.
72. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 août. – P. 862.
73. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 27 août. – P. 944.
74. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 31 août. – P. 959.
75. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 septembre. – P. 967.
76. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 5 septembre. – P. 979–980.
77. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 septembre. – P. 991.

78. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 14 septembre. – P. 1015.
79. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 18 septembre. – P. 1030–1031.
80. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 4 octobre. – P. 1094–1085.
81. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 5 octobre. – P. 1099–1100.
82. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 6 octobre. – P. 1103–1104.
83. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 octobre. – P. 1107.
84. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 octobre. – P. 1111.
85. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1114–1115.
86. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 octobre. – P. 1199.
87. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 10 novembre. – P. 1243–1244.
88. Faits divers // *Moniteur universel*. – 1854. – 24 septembre. – P. 1054.
89. Faits divers // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 octobre. – P. 1198–1199.
90. *Frédéric P.* De l'Agence d'information Havas à l'Agence France Presse: un siècle de chasse aux nouvelles. – Paris, 1959. – 444 p.
91. *Hommaire de Hell X.* Sébastopol // *Moniteur universel*. – 1854. – 24 septembre. – P. 1055.
92. *Kinglake A. W.* The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan. T. 4. – Edinburgh, London, 1868. – 437 p.
93. La Crimée... // *Moniteur universel*. – 1854. – 12 septembre. – P. 1007.
94. *Mérimée P.* Architecture et sculpture peintes au palais de Sydenham // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 septembre. – P. 965–966.
95. *Murtagh P.* Mr. Russell of The Times // *Irish Journalism Before Independence: More a disease than a profession*. – Oxford: Manchester University Press, 2011. – Pp. 75–90.
96. Nous empruntons... // *Moniteur universel*. – 1854. – 13 septembre. – P. 1011.
97. On écrit de Constantinople // *Moniteur universel*. – 1854. – 11 septembre. – P. 1001.
98. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 21 septembre. – P. 1041.
99. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 22 septembre. – P. 1049–1950.
100. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 25 septembre. – P. 1057.
101. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 26 septembre. – P. 1061.
102. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 septembre. – P. 1077–1078.
103. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 1 octobre. – P. 1081–1082.
104. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 octobre. – P. 1085–1086.
105. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 3 octobre. – P. 1089–1090.
106. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 6 octobre. – P. 1101–1102.
107. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 octobre. – P. 1105–1106.
108. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 octobre. – P. 1109–1110.
109. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1113–1114.
110. *Peterson W.* “The Queen’s messenger: an underwater telegraph to Balaclava”. The War Correspondent // The Journal of the Crimean War Research Society, 2008, vol. 26 (1), April. – Режим доступа: https://atlantic-cable.com/Cables/1855Crimea/index.htm#_edn2. – (Дата обращения: 01.02.2026).
111. Prise de Sébastopol // *La Patrie*. – 1854. – 2 octobre. – P. 1.
112. Prise de Sébastopol // *Le Siècle*. – 1854. – 3 octobre. P. 1.
113. *Saint-Arnaud A. de.* Soldats, Vous venez de donner... // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 septembre. – P. 994.
114. *Standage T.* The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-Line Pioneers. – New York: Walker and Co, 1998. – 240 p.
115. *Ternant A.-L.* Les télégraphes. Paris: Hachette et Cie, 1881. – 368 p.

References

1. Averchenko S. V., Tatarinov G. G. *Razvitie strelkovogo vooruzheniya russkoj armii: ot Krymskoj do russko-tureckoj vojny (1853–1878 gg.)* [Development of small arms of the Russian army: from the Crimean to the Russo-Turkish War (1853–1878)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2025, no. 2, pp. 56–63.
2. Ajrapetov O. R. *Razvitie polozhenij ob ognemom boev Ustavah russkoj armii v 1831–1866 gg.: k voprosu o voennyh reformah 1860–1870-h gg.* [Development of provisions on fire combat in the Regulations of

- the Russian Army in 1831–1866: on the issue of military reforms of the 1860–1870s]. *Istorija. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT. No. 3*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018, pp. 5–23.
3. Aksakova V. S. *Dnevnik Very Sergeevny Aksakovoj. 1854–1855* [Diary by Vera Sergeevna Aksakova. 1854–1855]. St. Petersburg, Ogni Publ., 1913. 174 p.
  4. Aleksandrova E. V. *Zhanrovaja priroda «Treh glav iz politicheskoy i voennoj istorii 1853, 1854 i 1855 godov» E. P. Kovalevskogo* [Genre nature of “Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855” by E. P. Kovalevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 4 (216), pp. 121–130.
  5. Aleksandrova E. V. *Krymskaja vojna v recepcii E. P. Kovalevskogo i L. N. Tolstogo* [The Crimean War in the reception of E. P. Kovalevsky and L. N. Tolstoy]. *Imagologija i komparativistika*, 2021, no. 15, pp. 156–172.
  6. Alent'eva T. V. *Anglijskij vzglyad na Krymskuyu vojnu* [The English view of the Crimean War]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2024, no. 4 (50), pp. 1–18.
  7. Arsent'ev N. M., Danilov A. A., Levandovskij A. A., Tokareva A. Ja. *Istorija Rossii. 9 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh organizacij: V 2 ch. Ch. 1*. [History of Russia. 9th grade. Textbook for general education organizations: In 2 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 2016. 160 p.
  8. Baranskaja E. M. *Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 gg. V zhizni i memuarah A. A. Feta* [Crimean (Eastern) War of 1853–1856. In the life and memoirs of A. A. Fet]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 16–29.
  9. Bobkov M. Yu. *Osveshchenie Krymskoj vojny v gazete «The Times» (noyabr'-dekabr' 1853 g.)* [Coverage of the Crimean War in the newspaper “The Times” (November–December 1853)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2023, no. 10, pp. 45–53.
  10. Bolhovitinov N. N., Polevoj B. P. *Obshhestvennost' SShA i oborona Sevastopolja v 1854–1855 godah* [The US public and the defense of Sevastopol in 1854–1855]. *Novaja i novejschaja istorija*, 1978, no. 4, pp. 35–52.
  11. Bojarkina N. V. *«Krov'ju by sledovalo pisat' jeti zapiski, ne chernilami»: korrespondencii Petra Alabina iz osazhdennogo Sevastopolja* [“These notes should have been written in blood, not ink”: correspondence by Peter Alabin from besieged Sevastopol]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 129–142.
  12. Vjazemskij P. A. *Sergej Nikolaevich Glinka: [Nekrolog]* [Sergei Nikolaevich Glinka: Obituary]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1847. 23 p.
  13. Vjazemskij P. A. *Jestetika i Literaturnaja Kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 458 p.
  14. Voennaja jenciklopedija T. 6 [Military Encyclopedia. Vol. 6]. St. Petersburg, I. D. Sytin Publ., 1912. 648 p.
  15. Grinchenko N. A. *«Journal de Saint-Petersbourg», 1825–1917 gg.: iz istorii izdatel'skoj dejatel'nosti Ministerstva inostrannyh del* [“Journal de Saint-Petersbourg”, 1825–1917: from the history of the publishing activities of the Ministry of Foreign Affairs]. *Fedorovskie chtenija. 2007*. Moscow: Nauka Publ., 2007, pp. 459–469.
  16. Dubrovin N. F. *Istorija Krymskoj vojny i oborony Sevastopolja. T. 1*. [History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol. Vol. 1]. St. Petersburg: Obshhestvennaja pol'za Publ., 1900. 438 p.
  17. Ermolov P. P. *Predystorija razvittija radiotehnologij v Krymu* [Background to the development of radio technologies in Crimea]. *Doslidzhennja z istorii tehniki*, 2011, no. 14, pp. 23–43.
  18. Zholudov M. V. *Rusofobija v politicheskoy dejatel'nosti lorda Pal'merstona* [Russophobia in the political activities of Lord Palmerston]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 100–107.
  19. *Inostrannye izvestija* [Foreign news]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1854, 7 nojabrja, no. 249, pp. 1207–1928.
  20. Koshelev V. A. *Aleksej Stepanovich Homjakov. Zhizneopisanie v dokumentah, rassuzhdenijah i razyskanijah* [Aleksey Stepanovich Khomyakov. Biography in documents, discussions and research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p.
  21. Krasavchenko T. N. *Syuzhet o Krymskoj vojne (1853–1856) v britanskoj kul'ture* [The plot of the Crimean War (1853–1856) in British culture]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie*, 2021, no. 2, pp. 62–77.

22. Kurochkin S. S. *Diskussija o snabzhenii britanskih vojsk v Krymu zimoj 1854–55 gg. v britanskoj publicistike v period Krymskoj vojny (po materialam pamfleta «Whom shall we hang»)* [Discussion about the supply of British troops in Crimea in the winter of 1854–55 in British journalism during the Crimean War (based on the pamphlet "Whom shall we hang")]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 46–57.
23. Larin D. A. *Kriptograficheskaja dejatel'nost' v period Krymskoj vojny* [Cryptographic activity during the Crimean War]. *Vestnik RGGU*, 2014, no. 11 (133), pp. 26–34.
24. Luchinskii Yu. V. *Kritika evropejskoj pressy` na stranitsakh «Severnoi pchely`» v period Kry`mskoi voiny* [Criticism of the European press on the pages of the «Severnaya pchela» during the Crimean War]. *Media v sovremennom mire. 61-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma. In 2 vols. Vol. 2. Saint-Petersburg, Mediapapir Publ., 2022, pp. 30–32.*
25. Luchinskii Yu. V. *Osveshchenie nachala Kry`mskoi voiny` na stranitsakh «Severnoi pchely`»* [Coverage of the outbreak of the Crimean War on the pages of the «Severnaya pchela»]. *Chernomorsko-sredizemnomorskii region v sisteme nacional'noi bezopasnosti Rossii: k 80-letiyu Pobedy` v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy` Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnodar: KGU Publ., 2025, pp. 65–68.
26. Marks K., Jengel's F. *Sochinenija. T. 10* [Works. Vol. 10]. Moscow: Gos. izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1958. 771 p.
27. Mashhenko A. P. *«Amerikanskij Krym»: obman zrenija* [“American Crimea”: an optical illusion]. Simferopol, Arial Publ., 2021. 140 p.
28. Mashhenko A. P. *Bor'ba za Krym v politicheskom i informacionnom prostranstve: istoricheskaja retrospektiva* [The struggle for Crimea in the political and information space: a historical retrospective]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), № 1, pp. 8–16.
29. Mashhenko A. P. *Krymskaja zhurnalistika v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Crimean journalism during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 4, pp. 3–27.
30. Mashkova E. E., Medzhitova Je. S. *Oborona Sevastopolja v hudozhestvennom osmyslenii L. N. Tolstogo i ego sovremennikov* [Defense of Sevastopol in the artistic interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2024, vol. 21, no. 4 (98), pp. 148–158.
31. Mil'china V. A. *«V nashi dni bol'shinstvo utok vyvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g.* [“These days, most ducks are exported from the Russian Empire”: about one newspaper news item from 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1-2, pp. 225–255.
32. Mironova I. S. *Istorija razvitiya telegrafnoj svjazi v Krymu v XIX – nachale XX v.* [History of the development of telegraph communication in Crimea in the XIX – early XX centuries]. *Mezhdunarodnyj nauchnoissledovatel'skij zhurnal*, 2012, no. 7, pp. 79–82.
33. Nekrasova M. Yu., Barskaya O. V. *Reprezentaciya obraza protivnika v britanskom gazetnom diskurse Krymskoj vojny* [Representation of the image of the enemy in the British newspaper discourse of the Crimean War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2023, no. 1(98), p. 292–295.
34. Orehov V. V. *Voennyj reportazh i logika informacionnyh ogranichenij (na materiale sevastopol'skih korrespondencij F. Zh. de Bazankura)* [War reporting and the logic of information limitations (based on the Sevastopol correspondence dy F. J. de Bazancourt)]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D. Filologija i psihologija*, 2025, no. 6, pp. 5–15.
35. Orehov V. V. *«Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' II: Informacionnaja bezopasnost' v jepohu Nikolaja I* [“Guerrilla Tactics” of the Information War. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 131–167.
36. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
37. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Ot «Soldatskogo vestnika» – k «Voennomu listku»: jevoljucija idei izdanija v uslovijah Krymskoj vojny (1854 g.)* [From the “Soldier's Bulletin” to “Military List”: the evolution of the

- idea of publishing in the conditions of the Crimean War (1854)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 189–206.
38. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja vojna v zhizni i tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [The Crimean War in the life and work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
  39. Orlov A. A. *Britanskaya prorossijskaya publicistika epohi Krymskoj vojny (na primere broshyury «Krest protiv Luny», 1854)* [British pro-Russian journalism of the Crimean War era (based on the brochure “The Cross Against the Moon”, 1854)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2023, no. 2-2, p. 285–299.
  40. Paramonov V. N. *Interpretacija istorii Krymskoj vojny kak instrument manipulirovanija istoricheskoj pamjat'ju* [Interpretation of the History of the Crimean War as a Tool for Manipulating Historical Memory]. *Vestnik VolGU. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnoshenija*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 26–37.
  41. Pervyh D. K., Ocherki N. P. Sokal'skogo kak jetap stanovlenija otechestvennoj voennoj zhurnalistiki [Essays by N. P. Sokalsky as a stage in the formation of domestic military journalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 197–215.
  42. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Voennye korrespondencii N. V. Berga v zhurnale «Moskvitanin» (1855 g.)* [Military correspondence by N. V. Berg in the journal “Moskvityanin” (1855)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 95–103.
  43. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Politicheskaja karikatura i lubok perioda Krymskoj vojny (na materiale zhurnala «Sovremennik» 1854–1856 gg.)* [Political caricature and popular prints during the Crimean War (based on the materials of the *Sovremennik* magazine of 1854–1856)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 4, pp. 73–79.
  44. Poddubnyj E. E. *Vosem' let Kiev voeval s Rossiej... 24.02.2022* [Kyiv fought with Russia for eight years... 02.24.2022]. Available from: <https://t.me/s/epoddubny> (accessed 18.10.2025).
  45. Popov G. G., Barabash V. V., Poplavskaja N. V., Kazenkov O. Ju. *Razvitie ognevoj moshhi russkoj armii v pervoj polovine XIX v. v sravnenii s protivnikami kak faktor pobed i porazhenij Rossii v Napoleonovskih i Krymskoj vojnah* [Development of the firepower of the Russian army in the first half of the 19th century in comparison with its opponents as a factor in Russia's victories and defeats in the Napoleonic and Crimean wars]. *Bylye gody*, 2024, no. 19 (3), pp. 1148–1160.
  46. Prutckov G. V. *Istorija zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929* [History of foreign journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 416 p.
  47. Raevskij A. A. *Zakonodatel'stvo Napoleona III o pechaty* [Napoleon III's legislation on the press]. Tomsk: Pechatnja S. P. Jakovleva Publ., 1903. 329 p.
  48. Rychkov S. Yu. *«Pobudit' vse evropejskie dvory k tomu, chtoby oni... vynesli Rossii mezhdunarodnyj prigovor»: anglijskaja provokacija na myse Hanko v period Krymskoj vojny* [“To induce all European courts to... pass an international sentence on Russia”: the English provocation at Cape Hanko during the Crimean War]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2022, no. 5, pp. 50–55.
  49. Stroganov M. V. *Ob admirale Nahimove, pojete Ammosove i obshhestvennyh volnenijah* [About Admiral Nakhimov, the poet Ammosov and social unrest]. *Literaturnyj fakt*, 2022, no. 1 (23), pp. 218–230.
  50. Tan'shina N. P. *Rusofobija: Istorija izobretenija straha* [Russophobia: The history of the invention of fear]. Moscow, Konceptual Publ., 2023. 496 p.
  51. Tarle E. V. *Sobr. soch. v 12-ti t. T. IX* [Collected works in 12 volumes. Vol. IX.]. Moscow, Akademija nauk SSSR Publ., 1959. 627 p.
  52. Tolstoj L. N. *Polnoe sobr. soch.: v 90 t. T. 90. Proizvedenija, dnevniki, pis'ma. 1835–1910* [Complete Works: in 90 volumes. Vol. 90. Works, diaries, letters. 1835–1910.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 475 p.
  53. Totleben Je. I. *Opisanie oborony Sevastopolja. T. I. Ch. I* [Description of the Defense of Sevastopol. T. I. Part I]. St. Petersburg, Tipografija N. Tiblena i ko Publ., 1863. 677 p.
  54. Tjutchev F. I. *Sochinenija: v 2 t. T. 2* [Works: in 2 volumes. T. 2]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1984. 446 p.
  55. Fedosov I. A. *Istorija SSSR. Uchebnik dlja 8 klassa* [History of the USSR. Textbook for the 8th grade]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1982. 224 p.
  56. Fedorov V. G. *Vooruzhenie Russkoj armii v Krymskuju kampaniju* [Armament of the Russian Army during the Crimean Campaign]. St. Petersburg, Tipografija S. N. Cepova Publ., 1904. 206 p.

57. Frank S. *Vidimaja i nevidimaja vojna v Krymu (Nachalo medijnoj jepohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo*) [Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's "Sevastopol Stories")]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 g.)*. St. Petersburg, 2008, pp. 126–145.
58. Chennyk S. V. Al'ma. 20 sentjabrja 1854 goda [Alma. September 20, 1854]. Simferopol', Magistr Publ., 2004. 376 p.
59. Chennyk S. V. Vtorzhenie. Sevastopol', 2010. 320 s.
60. Chennyk S. V. *Krymskaja vojna na knizhnyh stranicah...* [The Crimean War on the pages of books...]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 83–91.
61. Cheryachukin M. S. *Glavnoe upravlenie cenzury kak instrument formirovanija oficial'nogo narrativa v gody Krymskoj vojny 1853–1856 gg.* [The Main Directorate of Censorship as an Instrument for Forming the Official Narrative during the Crimean War of 1853–1856]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2024, no. 2, pp. 47–60.
62. Atkins J. B. *The life of Sir William Howard Russell. T. 1*. London, John Murray, 1911. 393 p.
63. Avenel H. *Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'a nos jours*. Paris: Ernest Flammarion, 1900. 884 p.
64. Beauchamp K. *A history of telegraphy: its technology and application*. London: The Institution of Electrical Engineers, 2001. 408 pp.
65. Bektas Y. *The Crimean War as a technological enterprise* // Notes and Recjdrs, 2017, vol. 71(3), pp. 233–262. DOI: 10.1098/rsnr.2016.0007.
66. Bolz L. *Dire et redire l'actualité. La circulation d'une fausse information en 1854* // Balisages. La revue de recherche de l'Enssib, 2024, no. 8 «La désinformation, hier et aujourd'hui. Une approche interdisciplinaire. Les contextes», pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.4000/11sui>.
67. *Bulletin du jour* // La Presse, 1854, 3 octobre, p. 1.
68. *Bulletin du jour* // La Presse, 1854, 9 octobre, p. 1.
69. Cuvillier-Fleury A.-A. *Lettres au duc d'Aumale* // Revue des Deux Mondes, 1903, vol. 15, pp. 542–579.
70. Dodd G. *Pictorial history of the Russian war 1854-5-6*. London, 1856. 584 p.
71. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 7 août, p. 862.
72. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 27 août, p. 944.
73. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 31 août, p. 959.
74. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 2 septembre, p. 967.
75. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 5 septembre, p. 979–980.
76. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 8 septembre, p. 991.
77. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 14 septembre, p. 1015.
78. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 18 septembre, pp. 1030–1031.
79. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 4 octobre, pp. 1094–1085.
80. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 5 octobre, pp. 1099–1100.
81. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 6 octobre, pp. 1103–1104.
82. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 7 octobre, p. 1107.
83. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 8 octobre, p. 1111.
84. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 9 octobre, pp. 1114–1115.
85. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 30 octobre, 1199.
86. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel. 1854, 10 novembre, pp. 1243–1244.
87. *Faits divers* // Moniteur universel, 1854, 24 septembre, p. 1054.
88. *Faits divers* // Moniteur universel, 1854, 30 octobre, pp. 1198–1199.
89. Frédéric P. *De l'Agence d'information Havas à l'Agence France Presse: un siècle de chasse aux nouvelles*. Paris, 1959. 444 p.
90. Hommaire de Hell X. *Sébastopol* // Moniteur universel, 1854, 24 septembre, p. 1055.
91. Kinglake A. W. *The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan. T. 4*. Edinburgh, London, 1868. 437 p.
92. *La Crimée...* // Moniteur universel, 1854, 12 septembre, p. 1007.
93. Mérimée P. *Architecture et sculpture peintes au palais de Sydenham* // Moniteur universel, 1854, 2 septembre, pp. 965–966.

Opexos B. B.

94. Murtagh P. *Mr. Russell of The Times // Irish Journalism Before Independence: More a disease than a profession*. Oxford: Manchester University Press, 2011, pp. 75–90.
95. *Nous empruntons...* // *Moniteur universel*, 1854, 13 septembre, pp. 1011.
96. *On écrit de Constantinople // Moniteur universel*, 1854, 11 septembre, p. 1001.
97. *On écrit de Constantinople // Moniteur universel*, 1854, 11 septembre, p. 1001.
98. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 21 septembre, p. 1041.
99. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 22 septembre, pp. 1049–1950.
100. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 25 septembre, p. 1057.
101. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 26 septembre, p. 1061.
102. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 30 septembre, pp. 1077–1078.
103. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 1 octobre, pp. 1081–1082.
104. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 2 octobre, pp. 1085–1086.
105. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 3 octobre, pp. 1089–1090.
106. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 6 octobre, pp. 1101–1102.
107. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 7 octobre, pp. 1105–1106.
108. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 8 octobre, pp. 1109–1110.
109. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 9 octobre, pp. 1113–1114.
110. Peterson W. “*The Queen’s messenger: an underwater telegraph to Balaclava*”. *The War Correspondent // The Journal of the Crimean War Research Society*, 2008, vol. 26 (1), April. Available from: https://atlantic-cable.com/Cables/1855Crimea/index.htm#_edn2 (accessed 01.02.2026).
111. *Prise de Sébastopol // La Patrie*, 1854, 2 octobre, p. 1.
112. *Prise de Sébastopol // Le Siècle*, 1854, 3 octobre, p. 1.
113. Saint-Arnaud A. de. *Soldats, Vous venez de donner...* // *Moniteur universel*, 1854, 9 septembre, p. 994.
114. Standage T. *The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century’s On-Line Pioneers*. New York, Walker and Co, 1998. 240 p.
115. Ternant A.-L. *Les télégraphes*. Paris, Hachette et Cie, 1881. 368 p.

**FAKES AND PRESS NEWS TACTICS:
THE INFORMATION REALITY OF THE CRIMEAN WAR.
PART I**

Orekhov V. V.

This article examines the specifics of European news tactics that led to the mass dissemination of false information about the capture of Sevastopol by the Anglo-French press in October 1854 (i.e., at the very beginning of military operations in Crimea). Contemporaries called this widespread disinformation "a hoax unparalleled in history" or "a Tatar canard." The reasons for this information scandal were, on the one hand, the inability of the English and French press to adapt their principles to the demands of a large-scale military conflict, and on the other, an unjustifiably high trust in the then-revolutionary means of communication – the electric telegraph. By prioritizing the speed of information at the expense of reliability, the European press fell prey to stock market speculators, which had a significant and lasting negative effect on public sentiment in France and Britain.

Keywords: fake, newspaper canard, telegraph, Crimean War, official press, Sevastopol.